

Информационно-аналитический журнал

с о в р е м е н н ы й
Иран

№3

апрель—июнь 2011

*Али Акбар Салехи,
Министр иностранных дел
Исламской Республики Иран*

Информационно-аналитический журнал

современный
Иран

№ 3

апрель–июнь 2011 г.

Свидетельство о регистрации ПИ 1 ФС77-41649
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) 12 августа 2010 г.

Редакционная коллегия

Раджаб Сафаров
Александр Проханов
Сергей Бабурин
Дмитрий Рюриков
Виталий Третьяков
Гейдар Джемаль
Максим Шевченко
Игорь Панкратенко

Адрес редакции

119049, Москва, Коровий вал, д. 7, стр. 1, оф. 6

В издании использованы фотоматериалы
ИТАР-ТАСС, РИА Новости, РИА Иран.ру

Содержание

От первого лица: министр иностранных дел Ирана Али Акбар Салехи.....	3	Иран и Запад в борьбе за грузовые и газовые потоки из Центральной Азии <i>Рустам Махмудов</i>	42
Российско-иранский мирный атом <i>Евсеев Владимир Валерьевич</i>	12	Террористическая угроза в современном Иране <i>Филин Никита Александрович</i>	48
Иран и Татарстан: сотрудничество с оглядкой <i>Яна Амелина</i>	19	Иранская кровь и подводные камни стратегии Дагана <i>Игорь Панкратенко</i>	53
Каспийская карта США и НАТО против России и Ирана <i>Юрий Крупнов</i>	25	Русские «богатыри» на службе у шаха Персии <i>Антон Евстратов</i>	61
Глобализация экономики и внешняя политика Ирана <i>Хасан Зухрай</i>	30	«Когда следует зазвонить в колокол...» <i>Геннадий Литвинцев</i>	66
Регионализация или глобализация Евразии <i>Александр Князев</i>	35	Достоинство и преемственность <i>Сергей Антоненко</i>	71

Колонка редактора

Пожалуй, ни один из номеров «Современного Ирана» не имел столь драматической судьбы, как тот, что вы, уважаемые друзья, читаете сейчас. Динамика событий, разворачивающихся вокруг Исламской республики, постоянно ставила перед редакцией вопрос: «Что наиболее актуально прочесть об Иране сегодня?» Масс-медиа полнились самыми противоречивыми слухами и прогнозами, ноябрьский доклад МАГАТЭ, «Ормузский кризис», теракты внутри и за пределами Ирана, воинственная риторика Израиля и общая нестабильность в регионе — все это довлело, служило поводом для дискуссий об актуальности, требовало немедленной реакции на других ресурсах... Но все позади, и в у вас в руках новый номер, появившийся после выборов в Маджлис Исламской Республики Иран 9-го созыва. Что показали эти выборы?

Прежде всего то, что и внешний, и внутренний курс современного руководства Ирана получили одобрение большинства населения страны.

Иранское общество в целом не сомневается в необходимости реализации мирной ядерной программы как гаранта независимости страны. Большинство иранцев выразили поддержку курсу на модернизацию экономики (отказ от «экономики трубы» и развитие наукоемких производств), росту государственного регулирования в экономической и социальной сферах, межконфессиональной и межнациональной политики руководства Исламской республики.

Голосованием на избирательных участках иранский народ заявил, что готов в среднесрочной перспективе переносить экономические лишения, связанные с внешним давлением.

Однако, эту готовность иранскому руководству не следует переоценивать. Для поддержания народного доверия на необходимом уровне и администрации президента (за 18 оставшихся до выборов месяцев), и Маджлису необходимо меньше занимать-

ся взаимными обвинениями и больше уделять внимания решению острых социальных проблем — сокращению безработицы (особенно среди молодежи), стабилизации финансовой системы, сдерживанию роста потребительских цен. Уже в ближайшее время руководству Ирана (и итоги голосования на выборах в провинциях говорят об этом достаточно красноречиво) необходимо будет вернуться к решению вопроса о социальных дисбалансах (возросшее социальное расслоение и разница в уровне доходов городского и сельского населения).

И осуществлять это руководству Ирана придется в условиях нового витка финансовых санкций, которые имеют своей целью, помимо прочего, добиться сокращения ее политического и экономического присутствия на Ближнем Востоке, на Кавказе и в Центральной Азии.

Но, пожалуй главный вывод по итогам состоявшихся выборов заключается в том, что противоречия в политическом поле Ирана (речь, разумеется не идет о «зеленой оппозиции») не носят сегодня антагонистического характера. И это является достаточно неприятной неожиданностью для антииранской коалиции Запада, делающей сегодня основную ставку на раскол иранского общества, на то, что ухудшение материального положения «среднего иранца» (давайте не будем лукавить, и скажем, что именно он является основной мишенью санкций) сделает его противником режима...

А еще впереди — Новруз, новый, 1391 год солнечной Хиджры, принятой в Исламской республике. Твердо могу заверить — мы будем стремиться к тому, чтобы его радости, проблемы, свершения и трудности находили свое объективное отражение на страницах нашего журнала. Новруз муборак!

*Игорь Панкратенко,
шеф-редактор
igpan69@gmail.com*

От первого лица: министр иностранных дел Ирана Али Акбар Салехи

Министр иностранных дел Исламской Республики Иран Али Акбар Салехи, чье назначение на этот пост в декабре 2010 года вызвало массу версий и самые оживленные дискуссии не только в Иране, но и за рубежом, сумел за достаточно короткое время сделать то, что до него не представлялось возможным. В условиях беспрецедентного внешнего давления, медиа-истерии во-

круг Ирана, введения односторонних санкций, роста напряженности на Большом Ближнем Востоке, где схватка за региональное лидерство вступает в новую фазу, а изменения политического поля происходят чуть ли не ежемесячно — иранская дипломатия умудряется выполнять главную задачу дипломатии вообще: обеспечение устойчивого развития собственной страны. Добавлю — комплексного развития. Из «обороняющейся» при его предшественниках, иранская дипломатия превратилась сегодня в «наступающую». Не являясь «кадровым» дипломатом, Али Акбар Салехи вводит новые правила «большой дипломатической игры», ломая стереотипы и добиваясь успеха там, где он кажется невозможным. Рассказ о нем и его повседневной деятельности — это отдельная тема, не статья даже, а книга, как минимум... Но книги пишутся после, книга — это кирпичик истории, динамика сегодняшнего мира диктует другой жанр, поэтому сегодня господин министр иностранных дел согласился на интервью для журнала «Современный Иран».

Бурлящий Ближний Восток

Ваше Превосходительство господин Министр, Вы родились в Кербеле в те времена, когда в Ираке существовала монархия. Вероятно, этот фактор тоже влияет на то, как внимательно Вы следите за событиями в этом регионе. Как Вы оцениваете будущие перспективы этого государства? По Вашему мнению, каким будет Ирак после американцев? Сможет ли Ирак защитить свою целостность или же он распадется на несколько небольших государств?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, вначале необходимо обратить внимание на прошлое и такие факторы, как власть диктаторского режима в этой стране и вытекающие из этого интеллектуальные и культурные наслоения, наличие родоплеменного мышления у некоторой части общества в этой стране; оккупацию этой страны в последние годы, продолжение оккупации этой территории на про-

тяжении долгих лет, ее результаты, сказавшиеся в различных областях: в политике, в области безопасности и в экономике. С учетом всех указанных моментов, а также успехов правительства, достигнутых им в различных областях, несмотря на некоторые неудачные действия, которые относятся к пережиткам прошлого, можно дать положительную оценку политическому процессу в Ираке и правительству этой страны, которое было избрано народным голосованием, оценить иракское правительство в качестве эффективного, способного к управлению и продвигающегося вперед. Разумеется, следует сказать, что выдающуюся роль в этом сыграли религиозные организации и лидеры религиозных и политических движений.

Несмотря на то, что вмешательство оккупантов во все сферы жизни в Ираке привело к тому, что в этой стране еще многое неустроенного, они смогут преодолеть все трудности. При условии, разумеется, сохранения сплоченности и единства. Вывод оккупационных сил из Ирака будет способствовать не только укреплению безопасности, но также развитию и процветанию этой страны в других областях. Сегодня многие террористические действия являются результатом оккупации. Мы убеждены, что Ирак располагает необходимыми возможностями и силой для защиты и обеспечения своей безопасности.

Исламская Республика Иран в качестве соседа, имеющего наиболее протяженную общую границу с этой страной, с которой у нас имеются религиозные, культурные, исторические и прочие связи и общность, обладает пониманием ситуации, возможностей государственного управления и степени национального единства этой страны, не испытывает особого беспокойства по поводу будущего Ирака и процесса преобразований в этой стране, и в качестве дружественного и братского государства не откажет правительству и народу Ирака в оказании любой помощи, направленной на восстановление и экономическое процветание.

Стратегическое партнерство Ирана и Турции является гарантом стабильности в регионе. Помимо этого, такое партнерство является источником кошмаров для Вашингтона. Как Вы оцениваете перспективы этого партнерства? Поскольку, с одной стороны, мы наблюдаем усилия Эрдогана в развитии двусторонних отношений, а с другой — видим, как Турция соглашается с установкой элементов американской системы ПРО.

Между Турцией и Ираном существует весьма крепкая и тесная дружба, и нам не кажется, что внерегиональные государства смогли бы оказать на эти отношения серьезное влияние. Очевидно, что культурные, исторические, экономические и политические связи, которые на всех уровнях имеют глубокие корни, практически связывают друг с другом судьбы двух дружественных стран. Иран и Турция, два крупных государства исламского мира с мусульманским населением, превышающим 150 млн. человек, имеют особый статус в регионе, и ни одна из этих стран без другой не может быть уверена в том, что будет в состоянии играть эффективную роль в качестве гаранта мира и стабильности в регионе.

Каспийский узел

Активное вмешательство внерегиональных государств в проблемы Каспийского региона является свершившимся фактом. Какова позиция Ирана в этом вопросе? Как Иран расценивает милитаризацию некоторых прикаспийских государств?

Как строятся переговоры по проблемам Каспия с Казахстаном, Туркменией, Азербайджаном и Россией? Каковы планы Ирана по развитию Каспия: имеется ли в них место для сотрудничества между Ираном и Россией?

Каспийское море является крупнейшим в мире внутренним морем, и не имеет выхода в международные воды. Это обстоятельство накладывает особый отпечаток на правовые, политические, экономические и географические вопросы. Правила, действующие в отношении внутренних международных морей, создают механизмы сотрудничества на основе согласия прибрежных государств. В отношении Каспийского моря, мы убеждены, что все связанные с ним вопросы можно решить на основе комплексного и долгосрочного подхода, путем достижения единого мнения всеми прикаспийскими государствами.

Помимо юридических ограничений, которые существуют для вхождения в Каспийское море государств, не относящихся к числу прикаспийских, опыт вмешательства иностранных сил в большинстве случаев, которые наблюдаются и в этом регионе, подтверждает то, что подобного рода вмешательство ведет к еще большему усложнению проблем. Поскольку такие страны не столько пекутся о том, чтобы понять региональные интересы, сколько имеют цель обеспечить собственные преференции.

С целью обеспечения безопасности в каспийском регионе и оказания противодействия потенциальным и фактическим угрозам, в ноябре прошлого года на саммите глав государств в Баку президентами было подписано Соглашение о сотрудничестве в области безопасности на Каспии. В этом документе подчеркивается необходимость борьбы с терроризмом, организованной преступностью, контрабандой товаров, наркотиков и оружия, незаконным выловом рыбы, отмыванием денег и другими явлениями, угрожающими безопасности прикаспийских государств. Реализация данного Соглашения, без сомнения, станет эффективным шагом в деле обеспечения безопасности Каспийского моря.

Существуют многочисленные и многоуровневые инструменты для ведения консультаций и осуществления сотрудничества между прикаспийскими государствами. К их числу относится организация саммитов глав государств и министров иностранных дел, специальных рабочих групп по выработке Конвенции о правовом статусе, а также проведение экспертных заседаний. К счастью, по многим вопросам уже достигнуто согласие, и мы надеемся, что, работая в атмосфере взаимопонимания, сотрудничества и единодушия, проявленного со стороны всех прикаспийских государств, мы сможем также решить и другие оставшиеся вопросы.

В числе тем, обсуждающихся на заседаниях специальной рабочей группы по выработке Конвенции по правовому статусу Каспия, находится и военный аспект. Ряд государств, в том числе и Исламская Республика Иран, поддерживают идею о демилитаризации Каспийского моря. Некоторые государства имеют иное мнение. Решение, которое удовлетворяло бы точкам зрения всех сторон, следует искать путем переговоров. Естественно, что развитие процесса милитаризации Каспия не устраивает ни одно из государств и не вписывается в процесс обеспечения безопасности всего региона.

С целью расширения сотрудничества между прикаспийскими государствами Исламская Республика Иран давно выступает с предложением о создании Организации прикаспийского сотрудничества. Мы уверены в том, что подобная структура сыграет выдающуюся роль в деле сближения народов региона и развития взаимовыгодного сотрудничества.

Исламская Республика Иран, обладая особым географическим положением, подходящими экономическими, техническими и инфраструктурными возможностями, может сыграть огромную роль в развитии экономики региона, а также в развитии сотрудничества между странами Каспийского бассейна. В этой связи, сотрудничество Ирана с прикаспийскими государствами, в особенности с Россией, в области транспорта, торговли и транзита энергетических ресурсов достойно особого упоминания.

Ирано-азербайджанские отношения и проблемы стабильности Закавказья

Антииранские высказывания Азербайджана давно уже превратились в привычную повседневность для официального Баку. Как в Тегеране расценивают подобный тон? В чем кроется его основная причина? Гнев по поводу взвешенной позиции Ирана по Карабахскому конфликту? Отработка средств, выделенных Израилем в качестве всесторонней военной помощи? Или же перед нами попытка Баку вписаться в систему международных отношений в условиях американского однополярного мира?

Всем известно, что некоторые СМИ в различных странах поддерживаются и находятся под влиянием американских кругов и сионистского режима. Этим и объясняется разбрызгивание яда в адрес нашей страны, которое практикуется в ряде государств. Официальные лица Ирана и Азербайджана всегда подчеркивают дружественный и братский характер отношений между двумя странами и выступают за их расширение в различных областях. Враги иранского и азербайджанского народов не хотят продолжения подобных добрых двухсторонних отношений. С другой стороны, вряд ли можно представить, что правительство и народ Азербайджана позволят, чтобы территория их государства под давлением третьих стран превратилась в базу для террористов, которые на деньги, полученные от США и сионистского режима, воюют против народов Ирана и Турции.

И снова об Азербайджане, точнее — о тех конфликтах, которые «расшатывают» регион. «Минская группа» по урегулированию карабахской проблемы потерпела явный провал. В принципе, в настоящее время конфликт, так сказать, «законсервирован», однако есть вероятность того, что пламя может вспыхнуть в любой момент. Понятно, что к решению этого вопроса должны быть привлечены страны региона и, в первую очередь, Иран. Собирается ли МИД Ирана продолжить свои усилия в этом направлении? Существует ли у Ирана особый взгляд на карабахскую проблему и на то, каким образом Армении и Азербайджану следует решать этот конфликт?

Иран был в числе первых государств, признавших независимость Азербайджана. Он всегда стоял за сохранение территориальной целостности этой страны и поддерживал резолюции ООН по этому вопросу. Иран всегда выступал за мирное разрешение конфликта в Нагорном Карабахе, он раньше всех других стран предпринял шаги для урегулирования карабахского конфликта и приложил много усилий для того, чтобы карабахский кризис был разрешен мирным путем. Однако вмешательство ряда третьих государств стало препятствием на пути плодотворных дипломатических усилий Ирана в этом направлении.

Да, Иран высказал готовность стать посредником между двумя дружественными ему государствами: Республикой Азербайджан и Арменией. По нашему мнению, региональные кризисы должны регулироваться в сотрудничестве между государствами региона, и внерегиональное вмешательство не только не решит подобных проблем, но и приведет к дальнейшему осложнению этих отношений.

Иран и постсоветская Центральная Азия

Как Вы можете охарактеризовать отношения Ирана со странами Центральной Азии и бывшими советскими республиками? Как Вы думаете, есть ли потенциал у этих отношений? Чем эти страны интересны для Ирана? Какой интерес здесь превалирует: геополитический или экономический?

Развитие отношений с соседями является одной из политических преференций Исламской Республики Иран. После распада СССР и обретения независимости государствами Центральной Азии — этот регион приобрел особое значение для нашей страны. Наличие у Ирана и народов этого региона многих общих моментов в историческом, цивилизационном и религиозном планах облегчает и стимулирует расширение связей и взаимоотношений.

С другой стороны, Иран обладает значительным потенциалом и возможностями для того, чтобы участвовать в процессе обеспечения мира и стабильности в регионе. Опыт прошлой деятельности по оказанию помощи и осуществлению позитивных мер различного характера, от дипломатических до экономических, которым располагает Иран, прочная инфраструктура нашей страны — являются подтверждением этой стратегии. Поэтому Иран считает, что развитие и безопасность центральноазиатского региона равнозначно развитию и безопасности нашей собственной страны.

Исламская Республика Иран считает пример регионального сотрудничества и интеграции подходящей основой для осуществления чаяний народов региона. Процессы, происходящие за пределами региона, рост терроризма и распространение его на страны региона, проистекающие из этого угрозы и тревоги в самом регионе стали прямым результатом политики вмешательства, проводимой внерегиональными державами.

Географическое положение, разнообразие энергетических и транзитных ресурсов, потенциальные возможности региона — все это должно стать теми элементами, которые приведут центральноазиатские государства к взаимопониманию и единодушию, создадут предпосылки для уменьшения соперничества, угроз и вызовов в адрес других стран.

В текущем году объем торгового товарооборота между Ираном и вышеназванными государствами превысил 8 миллиардов долларов, и процесс совместных консультаций и налаживания сотрудничества между Ираном и центральноазиатскими странами продолжается.

Развитие отношений с соседями является одной из политических преференций Исламской Республики Иран

Афганский «узел»

Очевидно, что американская оккупация не стала решением ни для одной из проблем Афганистана. На мой взгляд, проблемы Афганистана должны решаться на региональном уровне, с участием стран, с Афганистаном граничащих. То есть теми странами, для которых нестабильность Афганистана представляет не абстрактную, а реальную угрозу.

Как Вы расцениваете заявление США о выходе из Афганистана до 2014 года? Какова в настоящее время ситуация на ирано-афганской границе? В какой форме, по Вашему мнению, должно происходить афганское урегулирование? Как должен строиться диалог внутри Афганистана? Какие меры должны предпринять страны региона для стабилизации ситуации в Афганистане? Нужно ли вести переговоры с Талибаном, и если да, то по каким вопросам? Сегодня в коридорах Белого дома и Евросоюза все чаще говорят о том, что необходимо иметь две страны: Северный Афганистан в качестве федерации афганцев, узбеков и других национальных меньшинств и «Пуштунистан». Каково Ваше мнение относительно этого плана?

Разумеется, любой шаг, который предпринимается для достижения стабильности и безопасности в Афганистане, является прогрессом не только для правительства и народа Афганистана, но и для всего региона, да и мира в целом. Исламская Республика Иран, которая всегда страдала от нестабильности и отсутствия безопасности в Афганистане, каждый позитивный шаг на этом пути расценивает в качестве прогресса в деле достижения не только региональной, но и собственной национальной безопасности.

Мы убеждены, что роль региональных и, особенно, соседних государств для обеспечения безопасности и оказания помощи делу мира и стабильности в Афганистане является ключевой. В этой связи, Исламская Республика Иран является инициатором совещаний соседних государств, трехсторонних саммитов глав государств и других официальных лиц Ирана, Пакистана и Афганистана, а также участницей международных региональных совещаний по Афганистану. На самом деле, мы считаем, что проблема безопасности Афганистана, которая существует уже 10 лет, которая привела к увеличению нестабильности и ожесточения в этой стране, вызвана присутствием внерегиональных вооруженных сил, пренебрежением интересами афганского народа и развития этой страны, а также недооценкой роли региональных государств в афганском урегулировании.

Мы обеспокоены постоянным ростом насилия, убийств ни в чем не повинных людей и нарушений прав человека со стороны иностранных военных в Афганистане. К сожалению, десятилетнее присутствие вооруженных сил НАТО во главе с США не принесло никаких результатов, кроме эскалации напряженности. Рост и институционализация терроризма, увеличение объемов производства и контрабанды наркотиков, появление организованной преступности, массовая гибель гражданского населения, разрушение городов и сел (а именно так выглядит результат непросчитанных и разрушительных планов НАТО и США в этой стране) — представляют собой серьезную угрозу для безопасности региона и мира в целом.

Опасность, исходящая от производства, контрабанды и употребления наркотиков, является серьезной угрозой для человеческого общества. Опыт Исламской Республики Иран по всестороннему противодействию этому разрушительному бедствию со всей ясностью доказывает, что ни одна страна в одиночку не способна противостоять этому страшному явлению. Для борьбы с контрабандой наркоти-

ков требуются совместные международные усилия. За последние 10 лет Ираном были выделены огромные суммы на борьбу с наркотиками. Считаю необходимым предупредить, что именно сеть производства и контрабанды наркотиков в Афганистане является неотъемлемой частью инфраструктуры террористических групп, основным источником финансирования их деятельности. Борьбу с терроризмом и организованной преступностью без всесторонней борьбы с контрабандой наркотиков можно считать бесполезной.

Терроризм является вызовом всему миру, и Исламская Республика Иран находится в числе тех, кто понес наибольший ущерб от него. Борьба с терроризмом требует совместных и скоординированных действий всех членов мирового сообщества. Но по нашему глубокому убеждению, экстремизм, терроризм и жестокость не связаны ни с одной религией или национальностью. Более того, попытки решения проблем терроризма исключительно военными средствами не являются выходом из существующей ситуации. Необходимо заниматься изучением и уничтожением социальных и экономических корней этого явления.

Еще одним моментом, на который необходимо обратить внимание в вопросе урегулирования ситуации в Афганистане, является контрабанда людьми и товарами. Это явление оказывает влияние на региональную безопасность и особенно воздействует на соседние с Афганистаном страны. Увеличение масштабов этого явления вызвано экономическим обнищанием афганского населения. Наличие неконтролируемых границ с этой страной наносит большой ущерб соседним с Афганистаном государствам, поскольку страны, принимающие рабочую силу становятся объектом повышенного интереса тех, кто занимается контрабандой людьми. Остальные страны региона также испытывают трудности, связанные с этим явлением.

Исламская Республика Иран, принявшая у себя более трех миллионов афганских братьев и сестер, помимо реализации планов по размещению и устройству этих людей, активно участвовала и впредь будет участвовать в программах, связанных с противодействием контрабанде наркотиков, терроризму, контрабанде людьми и товарами, а также в проектах, которые могут способствовать урегулированию как ситуации на афганских границах, так и ситуации с безопасностью в этой стране.

На основании соглашения, достигнутого между НАТО и Афганистаном на заседании этой организации в Лиссабоне, было решено, что с 2014 года начнется вывод иностранных вооруженных сил из Афганистана, и работа по поддержанию безопасности в этой стране будет передана в руки афганского народа. Исламская Республика Иран вместе с многими другими государствами мира испытывает радость оттого, что афганский народ возьмет на себя заботу об обеспечении безопасности собственной страны, и считает, что этот шаг будет способствовать снижению угрозы безопасности в регионе. Но, к сожалению, имеются свидетельства того, что США намерены затянуть свое военное присутствие в Афганистане, а вопрос об искоренении терроризма является всего лишь предлогом для их присутствия в стране и регионе. В этой связи возникает важный вопрос: каких из своих первоочередных целей США удалось добиться за все время своего почти десятилетнего присутствия в Афганистане? Искоренение терроризма? Ограничения производства и контрабанды наркотиков? Ослабление Талибана? Несмотря на то, что десятки стран предоставили в распоряжение США свои вооруженные силы, какие позитивные шаги в целях установления безопасности были предприняты этой страной? И для чего теперь она намеревается продлить свое военное присутствие в Афганистане?

Опубликованные сообщения относительно заключения стратегического военного договора между США и Афганистаном также вызывают серьезное беспокойство в странах региона, особенно — в Исламской Республике Иран. Подписание этого договора и легитимизация иностранных военных баз противоречит курсу афганского государства и мирового сообщества, направленному на концентрацию усилий для мирного решения афганской проблемы, ведет к дальнейшему росту экстремизма и терроризма в регионе. Кроме того, в случае реализации этого соглашения, Афганистан, с одной стороны, превратится в арену для соперничества других стран, а с другой — закрепление присутствия американских вооруженных сил в регионе может стать базой для реализации имперских амбиций США.

Создание постоянных американских военных баз в Афганистане, что является одним из основных пунктов этого документа, приведет к постоянному присутствию США в Афганистане. А исторические факты свидетельствуют, что в какую бы страну США не входили, ни из одной из них они так просто не выходили.

Исторические факты свидетельствуют, что в какую бы страну США не входили, ни из одной из них они так просто не выходили

Главным и важнейшим стимулом для США в их стремлении к стратегическим отношениям с Афганистаном является соперничество с Россией и Китаем, создание зон контролируемой нестабильности вблизи их границ, создание угрозы для Ирана и Пакистана, оказание влияния на Центральную Азию и получение доступа к природным ресурсам Афганистана и всего региона. Исламская Республика Иран, поддерживая процесс передачи деятельности по защите собственной безопасности в руки народа Афганистана, считает заключение стратегического военного договора между США и Афганистаном весьма опасным шагом, и призывает государства региона осознать его губительный для регионального урегулирования характер.

Возможно, кто-то считает, что вывод иностранных войск из Афганистана приведет к уничтожению нынешнего суверенитета этой страны и приходу к власти талибов. Однако это не так. Исламская Республика Иран считает возможным установление мира и достижения примирения в Афганистане путем продолжения переговоров между афганскими группировками, и оценивает в качестве эффективной меры для достижения всеобъемлющего мира в Афганистане продолжение деятельности Высшего Совета мира при поддержке президента Карзая. Иран, приветствуя шаги, предпринимаемые афганским Высшим Советом мира, готов к проведению в Тегеране первого заседания данного Совета с участием всех противоборствующих сторон.

О перспективах российско-иранских отношений

Как Вы оцениваете перспективы ирано-российских отношений? Что, по Вашему мнению, является препятствием для развития стратегического партнерства между Ираном и Россией? Считаете ли Вы, что возвращение Владимира Путина послужит активизации диалога между Ираном и Россией?

Взаимодействие между Исламской Республикой Иран и Российской Федерацией, основанное на двусторонних отношениях, культурной общности, географической близости и, что важнее всего, на относительно одинаковом подходе

к правилам, господствующим в международной системе, имеет положительные перспективы в плане развития двухсторонних отношений, сотрудничества по региональным и международным вопросам в рамках принципа равенства государств, справедливости и взаимного уважения.

Для развития двусторонних отношений в последние месяцы проходили полезные встречи между президентами двух стран в Баку и Астане (Казахстан), имели место позитивные переговоры в области политики и безопасности на самом высоком уровне, между официальными лицами двух стран.

Как представляется, основными препятствиями на пути стратегического сотрудничества являются:

- отсутствие полного знакомства с потенциалом (экономическим и торговым) двух стран;
- наличие у двух стран традиционных запутанных бюрократических систем;
- сохранение традиционной ориентации на Запад у торговых рынков двух стран;
- отсутствие роста взаимных инвестиций.

Теперь — о возвращении Владимира Путина на пост президента. Во времена пребывания Владимира Путина на посту президента РФ, отношения между Исламской Республикой Иран и Российской Федерацией переживали расцвет. Безусловным доказательством этого можно считать и визит тогдашнего президента Ирана в Москву, и визит господина Путина в Тегеран. Во время следующего президентского срока Путина можно ожидать усиление националистских тенденций с упором на евразийскую ось, и это обстоятельство также окажет влияние на развитие отношений между Россией и Ираном.

Евсеев Владимир Валерьевич

Российско-иранский мирный атом

Начало российско-иранского взаимодействия в ядерной сфере можно отнести к 1992 г., когда было подписано «Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Исламской Республики Иран о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии».

Радужные перспективы

Подписанное соглашение предусматривало кооперацию в области проектирования, строительства и эксплуатации исследовательских и энергетических реакторов, промышленного производства компонентов и материалов, необходимых для использования в ядерных реакторах и их топливных циклах, производства и применения радиоизотопов. В то время Москва и Тегеран также договорились о сотрудничестве при снятии ядерных объектов с эксплуатации, совместном проведении исследований в области мирного использования атомной энергии, управляемого термоядерного синтеза, производства лазеров и их применения.

Иранская сторона ратифицировала Соглашение в апреле 1993 г., что позволило выйти на реальные контракты. Первый из них был подписан в январе 1995 г. в Тегеране представителями ВПО «Зарубежатомэнергострой» и Организацией по атомной энергии Иран (ОАЭИ) на завершение строительства первого ядерного энергоблока в Бушере с водо-водяным энергетическим реактором ВВЭР-1000 (позднее мощность реактора была увеличена до 1,2 ГВт). В дальнейшем предполагалась поставка со стороны России еще трех энергетических реакторов.

Одновременно был подписан протокол переговоров между министром Российской Федерации по атомной энергии Виктором Михайловым и вице-президентом Исламской Республики Иран (ИРИ), руководителем ОАЭИ Резой Амроллахи, который предусматривал:

— строительство в Иране исследовательских реакторов малой мощности (менее 1 МВт) для подготовки иранских специалистов;

— максимальное возможное использование на совместно создаваемых объектах иранского персонала, в первую очередь по проекту в Бушере;

— поставку ядерного топлива для энергетического реактора по условиям и ценам, соответствующим мировым.

Кроме этого, планировалось подготовить и подписать:

а) в течение трех месяцев — контракт на поставку из России легководного исследовательского реактора мощностью 30–50 МВт;

б) в течение первого квартала 1995 г. — контракты на поставку из РФ 2 тыс. тонн природного урана и подготовку 10–20 иранских аспирантов и докторов наук в год;

в) в течение 6 месяцев — контракт на сооружение в ИРИ урановой шахты.

Выполняя взятые на себя обязательства, в августе 1995 г. представители РФ и ИРИ подписали контракт на поставку в 2001–2011 гг. ядерного топлива для Бушерской АЭС на сумму 300 млн долл. В этом контракте не была детально прописана процедура возвращения в Россию отработанного ядерного топлива (ОЯТ), так как оно классифицировалось как радиоактивные отходы, ввоз которых в нашу страну был запрещен. Эту проблему удалось решить в феврале 2005 г., что, по сути, сняло последнюю озабоченность международного сообщества, обусловленную потенциальной возможностью выделения из ОЯТ плутония в военных целях.

Антииранский протокол

Реализовать вышеуказанное в полной мере не удалось как по финансовым причинам, так и вследствие давления со стороны Вашингтона. Основанием для свертывания сотрудничества с Тегераном, в том числе в ядерной сфере, стал антииранский протокол, подписанный в июне 1995 г. председателем правительства РФ Виктором Черномырдиным и вице-президентом США Альбертом Гором. Выйти из этого протокола Москва смогла только к декабрю 2000 г. Ниже приводятся некоторые факты российско-иранского сотрудничества за это время.

В период с 1992 по 1997 г. российские специалисты подготовили проект шахты для добычи в ИРИ урана, но реализовать его не удалось. По финансовым причинам были прекращены и переговоры о поставке в Иран природного урана.

К апрелю 1998 г. был подготовлен контракт на поставку в ИРИ исследовательского реактора, который был должен работать под контролем Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) на уране со степенью обогащения не более 20%. Давление, оказанное на Москву со стороны Вашингтона, вынудило российскую сторону отказаться от этого контракта. В результате остался только контракт по строительству энергоблока в Бушере.

Трудный путь в Бушере

Первоначальный контракт на строительство Бушерской АЭС был подписан между ОАЭИ и западно-германской фирмой Kraftwerk Union A.G. Он предусматривал строительство в период 1975–1981 гг. АЭС с двумя реакторами типа PWR мощностью 1,2 ГВт каждый. Однако в 1979 г. строительство атомной электростанции было приостановлено. Поводом для этого стала значительная задолженность иранской стороны по ранее выполненным работам. К этому времени на строительство АЭС

было истрчено 1,4 млрд долл., что позволило соорудить внутреннюю стальную герметизирующую оболочку, частично завершить сооружение второго контура станции: установить насосы и трубопроводы, смонтировать электромеханику и построить фундамент паровой турбины.

В 1990 г. ИРИ подписала с Испанией соглашение о завершении работ на Бушерской АЭС и поставках ядерного топлива. США добились прекращения такого сотрудничества.

Завершить контракт планировалось к сентябрю 2003 г., но значительные трудности объективного и субъективного характера привели к задержке строительства АЭС на семь лет

Под действием американских экономических санкций и мощного политического давления от сотрудничества с Ираном в ядерной области отказались Аргентина, Бразилия, Индия, Китай и Пакистан. И только Россия смогла отстоять свое право на подобное сотрудничество.

Российско-иранский контракт на завершение строительства первого энергоблока в Бушере, как уже было отмечено, заключили в 1995 г. Но только спустя три года было подписано дополнение к нему, согласно которому компания «Атомстройэкспорт», входящая в государственную корпорацию «Росатом», обязалась возвести «под ключ» рассматриваемый энергетический реактор. Завершить контракт планировалось к сентябрю 2003 г., но значительные трудности объективного и субъективного характера привели к задержке строительства АЭС на семь лет. В качестве объективных причин задержки строительных работ на АЭС, можно рассматривать следующие:

— в ходе ирано-иракской войны недостроенная АЭС и завезенное туда технологическое оборудование девять раз подверглись масштабным авиационным бомбардировкам, что, в частности, привело к сильному повреждению защитной оболочки реакторного отделения;

— документация к значительной части имевшегося немецкого оборудования была утеряна, что крайне затрудняло как сертификацию оборудования, так и разработку технологий его ремонта (о масштабах выполненных работ свидетельствует тот факт, что российскими специалистами было тщательно протестировано 100 тыс. единиц различного немецкого оборудования, из которого только 12 тыс. признали годными к дальнейшему использованию);

— документация к значительной части имевшегося немецкого оборудования была утеряна, что крайне затрудняло как сертификацию оборудования, так и разработку технологий его ремонта (о масштабах выполненных работ свидетельствует тот факт, что российскими специалистами было тщательно протестировано 100 тыс. единиц различного немецкого оборудования, из которого только 12 тыс. признали годными к дальнейшему использованию);

— Бушерский контракт стал первым для России зарубежным проектом на строительство энергетического реактора после распада Советского Союза, что потребовало заново выстраивать производственную цепочку, изыскивать финансовые ресурсы и набирать инженерно-технический и строительный персонал;

— иранские подрядчики, участие которых в реализации проекта носило обязательный характер, не всегда смогли выполнять качественно и в срок взятые на себя обязательства;

— западные государства наложили эмбарго на поставку любого оборудования для Бушерской АЭС, что, в частности, сделало невозможным поставку из Германии системы управления для реактора;

— российский проект строительства АЭС пришлось адаптировать под существующую площадку, конструкции и оборудование, созданные немецкими специалистами;

— согласно контракту, стоимость строительства не индексировалась, что привело Москву к значительным финансовым издержкам ввиду значительного роста курса евро к доллару в первом десятилетии XXI века.

Конечно, указанные трудности постепенно преодолевались, но на это уходили годы. Казалось, что Россия никогда не закончит этот проект. И это несмотря на то, что ИРИ взяла на себя обязательства по возврату в Россию облученного на энергоблоке ядерного топлива.

Завершение строительства

Ситуация кардинально изменилась только в октябре 2007 г., когда были согласованы изменения к контракту о строительстве АЭС в Бушере. Это обеспечило финансирование проекта до этапа энергетического пуска. Как следствие, в декабре 2007 — январе 2008 г. была осуществлена поставка ядерного топлива, необходимого для первой загрузки АЭС. Всего было доставлено восемь партий общим весом около 82 тонн. С этого времени на энергетический реактор стали распространяться гарантии МАГАТЭ.

Доставка ядерного топлива в реакторное отделение Бушерской АЭС началась 21 августа 2010 г. в присутствии генерального директора государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» Сергея Кириенко и вице-президента ИРИ, руководителя ОАЭИ Али Акбара Салехи. С 26 октября пошел процесс загрузки активной зоны энергетического реактора, по окончании которого началось тестирование его основного и резервного (аварийного) оборудования. Этот процесс всегда может привести к нештатным ситуациям, одна из которых возникла в феврале текущего года. Тогда вышел из строя один из насосов системы аварийного охлаждения, поставленных Германией в 1970-х гг. Это создало угрозу попадания посторонних элементов в активную зону реактора, поэтому представители российской стороны убедили иранские власти в необходимости выгрузки ядерного топлива. Произошедшее не привело к возникновению аварийной ситуации, а лишь приостановило процесс энергетического пуска реактора. Это событие осталось бы незамеченным, если в марте 2011 г. не случилась катастрофа на японской АЭС «Фукусима-1», в ходе которой произошло радиационное заражение прилегающей местности и морской акватории.

Как следствие, международное сообщество стало проявлять повышенную тревогу по поводу безопасности подобных объектов, особенно расположенных в сейсмической зоне. Эти опасения далеко не всегда являются обоснованными, что можно проследить на примере аналитического материала «Иран отказывается от рассмотрения нового подхода к атомной энергетике после Фукусимы», опубликованного в апреле 2011 г. Международным институтом стратегических исследований в Лондоне. В этом докладе рассмотрена проблема безопасности различных иранских ядерных объектов, но особое внимание уделено Бушерской АЭС, которая находится всего в 130 км от столицы государства Кувейт. Это позволило не только усилить международное давление на Тегеран в ядерной сфере и еще более обострить ирано-арабские отношения, но и нанести серьезный удар по международной репутации «Росатома».

В декабре 2007 — январе 2008 г. была осуществлена поставка ядерного топлива, необходимого для первой загрузки АЭС

Состояние безопасности Бушерской АЭС

В целом, несмотря на выход из строя насоса системы аварийного охлаждения, на Бушерской АЭС обеспечена высокая надежность работы оборудования. Имеющиеся же технические проблемы не следует преувеличивать. Во-первых, работа таких насосов всегда резервируется (именно поэтому установлено четыре насоса). Во-вторых, на рассматриваемой АЭС используется многоступенчатая система защиты, позволяющая предотвратить аварию, например, при разрыве трубопровода самого опасного первого контура. Для этого будет применяться не только система аварийной защиты, но и борное регулирование, позволяющее изменять концентрацию жидкого поглотителя нейтронов — борной кислоты за счет продувки-подпитки первого контура реактора. Учитывая, что давление в этом контуре составляет 160 атм., оборудование с радиоактивным теплоносителем размещается в защитной бетонной оболочке. Кроме этого имеющаяся система аварийного охлаждения, в т.ч., отводит тепло уже заглушенного энергетического реактора (остаточное тепловыделение реактора типа ВВЭР-1000 спустя сутки соответствует мощности 15 МВт). Все это позволяет предотвращать практически весь спектр возможных аварий, но требует присутствия грамотного и обученного персонала.

Россия заблаговременно подготовила тех иранских специалистов, которым предстоит эксплуатировать Бушерскую АЭС. В частности, 38 таких специалистов-ядерщиков прошли стажировку в Нововоронежском учебно-тренировочном центре. Помимо этого, иранские специалисты стажировались на Калининской и Балаковской АЭС. Всего за последние четыре года в России прошли обучение 700 иранских специалистов.

Достаточно надуманно для Бушерской АЭС выглядит приведенная в аналитическом материале угроза землетрясений. Сам факт такого события в 2002 г. с магнитудой около 5 баллов по шкале Рихтера является лишь поводом для беспокойства, т. к. российский реактор рассчитан на силу землетрясений до 9 баллов. Именно такое произошло в Японии, но построенные сорок лет назад корпуса японских реакторов АЭС «Фукусима-1» не пострадали. Система охлаждения их активной зоны была повреждена в результате воздействия разрушительного цунами, высота гребня волны которого составила 14 м, что почти в три раза превысило заложенный при строительстве АЭС худший сценарий. Совершенно очевидно, что возникновение цунами в относительно мелководном Персидском заливе (средняя глубина не превышает 90 м) практически невозможно.

Необходимо вспомнить и о том, что в декабре 1988 г. на северо-западе Армении произошло Спитакское землетрясение, сила которого превысила 7 баллов. Но это не привело к повреждению Армянской АЭС, которая включала два энергоблока с реакторами типа ВВЭР-440. На современных реакторах ВВЭР-1000 система аварийной защиты срабатывает автоматически при землетрясениях силой свыше 6 баллов.

В тоже время следует признать, что угроза безопасности Армянской АЭС существовала. Энергетические реакторы были заглушены, но для контроля и управления процессами требовалось присутствие на атомной электростанции обслуживающего персонала, который, поддавшись панике, покинул свои рабочие места. В результате пришлось срочно завозить специалистов с Кольской АЭС.

Конечно, местоположение Бушерской АЭС в зоне жаркого климата требует особого внимания к системе охлаждения второго контура реактора, который является достаточно безопасным в радиационном отношении. Тем не менее, и этот кон-

тур не предполагает, как некоторые считают, использования морской воды. Более того, он является замкнутым, а его подпитка осуществляется специально подготовленной водой. Применение морской воды возможно только в системе конденсации второго контура. В нормальных условиях эксплуатации Бушерской АЭС не предполагается слив в Персидский залив радиоактивной воды.

Следовательно, пуск Бушерской АЭС не представляет какой-либо угрозы близлежащим арабским государствам. Российские специалисты тщательно подошли к ее проектированию и создали надежную многоступенчатую систему защиты от нештатных ситуаций. Однако, ввиду отсутствия в ИРИ опыта эксплуатации подобных объектов, и учитывая чрезвычайно продолжительный период строительства АЭС, по-видимому, целесообразно рассмотреть вопрос о присутствии российского персонала на этом ядерном объекте в течение всего срока его эксплуатации (в настоящее время установлено, что первые два года АЭС обслуживают только российские специалисты, а затем пять лет будет осуществляться совместная эксплуатация).

Пуск Бушерской АЭС не представляет какой-либо угрозы близлежащим арабским государствам

Западные стереотипы

Завершение строительства единственного на Большом Ближнем Востоке объекта атомной энергетики — Бушерской АЭС, по сути, не изменило негативного отношения Запада к российско-иранскому сотрудничеству в ядерной сфере. Многие по-прежнему считают, что Москва активно помогает Тегерану создавать атомную бомбу. Подтверждением этого стала презентация доклада уже упомянутого Международного института стратегических исследований в Лондоне «Возможности Ирана в сфере создания ядерного, химического и биологического оружия: совместная оценка», которая прошла в начале 2011 г. Соответствующие положения этого доклада требуют значительной корректировки. Далее рассмотрим некоторые из них:

1. В докладе явно преувеличивается оказанная Тегерану помощь со стороны Москвы. В действительности, много иранцы добились самостоятельно.
2. Западными экспертами утверждается, что Россия оказала ИРИ техническую помощь в добыче урана и производстве из него концентрата. Это могло бы создать определенные опасения по поводу неучтенного природного урана в провинции Йезд. Однако достаточно бедное в отношении урана месторождение Саганд до сих пор не освоено. Аналогичная ситуация наблюдается и на предприятии по производству уранового концентрата в Ардакане. Вместо этого иранцы самостоятельно осваивают месторождение Гчин вблизи Бендер-Аббаса в провинции Хормозган. Руды этого месторождения существенно богаче по содержанию урана (от 0,2 до 0,5%) и находятся вблизи поверхности Земли. Все это существенно облегчает его добычу. Здесь же построено предприятие, где планируется ежегодно производить 24 т уранового концентрата. По имеющимся данным, указанное предприятие уже начало выпуск продукции. Следует отметить, что по данному уже работающему предприятию у Запада к России претензий нет.
3. Достаточно предвзятой выглядит информация о помощи в середине 1990-х гг. российских институтов и специалистов при создании заводов по производству тя-

желой воды и строительстве исследовательских тяжеловодных реакторов. В Араке действительно строится исследовательский тяжеловодный реактор IR-40 мощностью 40 МВт. Но его сооружение началось в сентябре 2004 г. исключительно иранскими специалистами (северные корейцы, которых постоянно упрекают в распространении ядерных технологий, имеют опыт в строительстве только газографитового реактора, а способные это сделать китайцы, пакистанцы или русские в такой деятельности замечены не были).

4. Крайне спорным является тезис о возможности использования Бушерской АЭС в качестве источника оружейного плутония. Легководные реакторы нигде не используются для наработки этого расщепляющегося материала. Как правило, его нарабатывают в газографитовых или тяжеловодных реакторах при специальном режиме работы. Именно в этом случае ОЯТ будет содержать существенное количество нужного изотопа плутония.

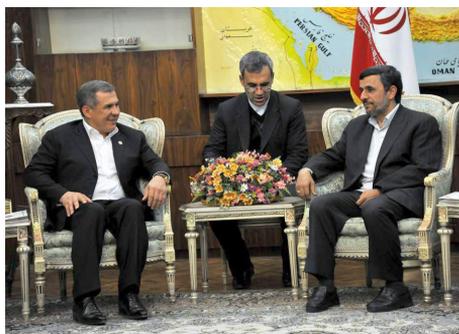
Таким образом, российско-иранское сотрудничество в ядерной сфере осуществляется в рамках Договора о нераспространении ядерного оружия. Оно является взаимовыгодным и совершенно законным. Постоянные попытки со стороны Запада исказить суть такого сотрудничества не способствуют разрешению возникшего во многом под влиянием США и их союзников иранского ядерного кризиса. Следовательно, такая политика должна быть пересмотрена с целью поиска реальных путей выхода из сложившегося тупика. В качестве одно из них целесообразно рассмотреть вопрос о строительстве на территории ИРИ совместного российско-иранского предприятия по производству ядерного топлива для Бушерской АЭС. В случае его создания Иран будет гарантированно иметь сертифицированное топливо для единственной АЭС, а международное сообщество — на постоянной основе выводить из оборота накапливаемые в ИРИ запасы низкообогащенного урана и контролировать расход произведенных там ядерных материалов.

Яна Амелина

Иран и Татарстан: сотрудничество с оглядкой

Несмотря на активную работу иранского генконсульства и значительный интерес Ирана к Татарстану, идеологическое влияние Тегерана в РТ остается на прежнем, весьма незначительном, уровне и не демонстрирует тенденцию к росту. Причина этого коренится в разнонаправленности векторов духовного развития шиитского Ирана и светского (а в исламской составляющей — суннитского) Татарстана. Преодолеть эту религиозно-идеологическую пропасть в обозримом будущем не смогут никакие социально-экономические и культурные проекты, во множестве реализуемые обеими сторонами.

Торгово-экономические отношения Ирана и Татарстана, имеющие пока небольшие объемы, демонстрируют явно поступательное развитие. В 2010 году двусторонний внешнеторговый оборот между Республикой Татарстан и Ираном составил 25,4 млн долларов (в 4,5 раза выше уровня аналогичного периода 2009 года), в том числе экспорт — 23,1 млн. долларов, импорт — 2,3 млн долларов. По итогам 2010 года Иран занимал 43-е место среди стран-партнеров Республики Татарстан по объему внешнеторгового оборота (годом ранее — лишь 55-е)¹. Среди перспективных направлений двустороннего сотрудничества — автомобилестроение, авиастроение, машиностроение, пищевая, легкая, фармацевтическая промышленность, привлечение иранских инвесторов в ОЭЗ «Алабуга», совместная деятельность в области нефтедобычи на территории ИРИ и очистки нефтепродуктов². Многочисленные делегации экономистов и бизнесменов регулярно посещают Иран и Татарстан в поисках почвы для новых взаимовыгодных проектов.

Что касается общественно-политических связей, то мощным толчком, который перевел их на новый уровень, стало открытие в Казани иранского консульства. Консульский округ включает территории Татарстана, Башкортостана, Республики Коми, Марий Эл, Удмуртии, Чувашии, Пермского края, а также Кировской, Оренбургской, Самарской, Свердловской, Ульяновской и Челябинской обла-

¹ Равиль Зарипов встретился с Генконсулом Республики Иран в Казани. ИА «Татар-информ», 28 июня 2011 г. <http://www.tatar-inform.ru/news/2011/06/28/276312/>

² Татарстан планирует расширять внешнеторговый оборот с Ираном. 16 июня 2004 г. <http://etatar.ru/10/6525>

стей³, однако активная работа ведется только в РТ. Генеральный консул ИРИ Реза Багбан Кондори⁴ приступил к работе 1 декабря 2007 года. По его словам, дипломаты выбирали между Санкт-Петербургом и Казанью, но остановились на столице Татарстана.

Деятельность господина Кондори является хорошим примером роли личности в истории. Если бы не его неумная энергия, татарстано-иранские отношения вряд ли приобрели бы нынешнюю динамику. Не забывая об экономических связях, генконсул поставил во главу угла гуманитарные вопросы. Это неудивительно, если Республику Татарстан, по его словам, воспринимают в Иране как «сердце ислама, которое бьется в центре России»⁵, а РТ и ИРИ, как полагает г-н Кондори, имеют много общего в историческом и культурном плане.

С момента открытия генконсульства прошло менее полугода, когда республику посетила представительная иранская делегация во главе с председателем ГТРК Ирана (вице-премьером) Эзатоллой Заргами, подчеркнувшим, что татары близки иранцам «и по религии, и по культуре» (это утверждение потом неоднократно звучало из уст различных иранских общественных и политических деятелей). В рамках визита прошла презентация Центра иранистики, открывшегося на иранские средства в Институте истории имени Шигабутдина Марджани АН РТ, а также подписание соглашения о сотрудничестве между генеральным директором татарстанской телерадиокомпании «Новый век» (ТНВ) Ильшатом Аминовым и заместителем председателя по международным вопросам гостелерадио ИРИ Мохаммадом Джафаром Сафи⁶.

Главная цель Центра иранистики, возглавляемого Алсу Арслановой⁷, — установление прямого сотрудничества в разработке актуальных научных и культурно-просветительских направлений в области иранистики с иранскими научно-исследовательскими учреждениями, а в области исследований по истории Татарстана и Ирана — в библиотеках и архивах обеих стран. По словам Арслановой, результаты исследований и гуманитарных программ «будут направлены на всемерное пропагандирование достижений культурного наследия народов Исламской Республики Иран и Республики Татарстан».

Соглашение между ТНВ и гостелерадио ИРИ предусматривало обмен художественными фильмами, телесериалами, документальными лентами, программами для детей и подростков, мультфильмами, однако по прошествии нескольких лет можно сказать, что развития оно, к сожалению, не получило.

³ Премьер-министр РТ и генеральный консул Ирана обсудили перспективы сотрудничества. ИА «Татар-информ», 5 декабря 2007 г. <http://www.tatar-inform.ru/news/2007/12/5/87720/>

⁴ В апреле 2011 года г-н Кондори сменил продолживший его дело Расул Багернежад Шаян, ранее занимавший пост советника заместителя министра МИД Ирана по Среднему Востоку и СНГ. В отличие от своего предшественника, он владеет не только английским, турецким, но и русским языками.

⁵ В Иране Татарстан воспринимают как «сердце ислама». ИА «Татар-информ», 8 февраля 2011 г. <http://www.ansar.ru/rfsng/2011/02/08/11319>

⁶ См. подробнее: Яна Амелина. Братья по религии и культуре. ИА «Росбалт», 2 апреля 2008 г. <http://www.rosbalt.ru/2008/04/02/471049.html>

⁷ Старший научный сотрудник отдела средневековой истории Института истории Академии наук Татарстана, библиограф Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского КФУ, автор 576-страничной монографии «Описание рукописей на персидском языке Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета», изданной в Казани в 2005 году и получившей в 2007 году премию ИРИ в области иранистики и исламоведения (для книг, изданных за рубежом в различных странах мира) «Книга года».

Заметно активизировались и межрегиональные связи Татарстана. Без малого три года назад мэры Казани и Тебриза (столицы провинции Восточный Азербайджан) подписали меморандум об установлении между городами побратимских отношений. Как отмечается в документе, города-побратимы будут сотрудничать и обмениваться опытом в области градостроения, благоустройства, транспорта, развития городов, коммунальных, технических, инженерных, транспортных, туристических услуг, озеленения, реконструкции и сохранения исторических памятников, памятников культурного наследия, науки, культуры и спорта, организации выставок по культурной тематике, а также осуществлять обмен делегациями специалистов. В целях развития торгово-экономических связей, совместных технических и инвестиционных проектов в Казани и Тебризе будут проходить торгово-промышленные, технические и инвестиционные выставки. Меморандум о сотрудничестве между городами был подписан еще в 2002 году⁸.

Особый интерес представляет сотрудничество иранских и татарстанских научных центров в области науки. Сотрудники иранского генконсульства принимали участие во всех относительно крупных казанских научных мероприятиях, в особенности в гуманитарной сфере, причем отнюдь не с дежурными приветствиями. Выступая на I Евразийском научном форуме «Евразийское пространство: цивилизационные кризисы и поиски путей гражданского согласия» с докладом «Иран и Татарстан: история отношений и современное положение», советник генконсульства Бахрам Тахири высказал уверенность, что «Татарстан будет играть важную роль в развитии отношений Исламской Республики Иран с РФ». Тахири упомянул как о необходимости создания полноценного транспортного коридора ИРИ-РФ и увеличения торгового оборота, так и о развитии туризма и образовательных программ⁹.

Иранские дипломаты используют практически любую научную трибуну, чтобы в очередной раз привлечь внимание к татарстано-иранским отношениям. Например, в казанской конференции «Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы», формально посвященной двухсотлетию казанской школы тюркологии, не принял участие ни один представитель генконсульства Турции, тогда как приветственное слово Резы Багбана Кондори отличалось как объемами, так и оригинальностью¹⁰. Пожалуй, именно на этом научном мероприятии стало очевидно, что Иран выигрывает в негласном соперничестве Тегерана и Анкары в РТ, причем исключительно за счет собственной активности на фоне полной пассивности турецких коллег.

Генконсул Кондори задал тон и другому крупному мероприятию — «круглому столу», прошедшему в Казани в рамках II Евразийского научного форума и приуроченному к тридцатилетию исламской революции в Иране. Он отметил относительность доминирования США в современном мире, указав, что реальные цели спонсоров «цветных» революций заключаются, прежде всего, в обеспечении доступа к нефти. Иран, напомнил генеральный консул ИРИ, владеет серьезными энергетическими запасами и располагается в центре транзитных путей

⁸ Казань и Тебриз стали побратимами. ИА «Росбалт», 16 января 2009 г. <http://www.rosbalt.ru/2009/01/16/610380.html>

⁹ См. подробнее: Яна Амелина. Казань обсудила конкурента Pax Americana. ИА «Росбалт», 2 июля 2008 г. <http://www.rosbalt.ru/2008/07/02/499714.html>

¹⁰ Яна Амелина. Образование без стандартов. ИА «Росбалт», 22 июня 2009 г. <http://www.rosbalt.ru/2009/06/22/649236.html>

региона, в связи с чем очень важен для реализации политических целей вашингтонской администрации. По его мнению, в этом смысле «у России и Ирана общая судьба»¹¹. Утверждения консула вызвали оживленную полемику участников мероприятия.

8–10 февраля 2010 года в Казани прошла крупная международная научная конференция «Исламская революция в Иране: цивилизационный феномен и его перспективы». В мероприятии, организованном Центром евразийских и международных исследований КГУ, международным университетом имама Хомейни и генконсульством, участвовали практически все ведущие российские иранисты, а также большая делегация представителей политического, экспертного и университетского сообщества ИРИ. Собравшиеся пришли к выводу, что на данном этапе российско-иранское сотрудничество не носит стратегического характера, и причиной тому является мироощущение и деятельность ряда государственных и общественных структур как в Москве, так и в Тегеране¹². Высокий уровень конференции подчеркивало участие в ней тогдашних министра культуры РТ Зили Валеевой и директора департамента внешних связей Татарстана Тимура Акулова, отметивших давнюю крепость татарстано-иранских связей и неслучайность проведения конференции именно в Казани, а также Чрезвычайного и полномочного посла Ирана в РФ Резы Саджади. Иранскую делегацию приняли председатель Госсовета РТ Фарид Мухаметшин и тогдашний президент РТ Минтимер Шаймиев.

Что касается образовательных программ и обмена студентами, то в настоящее время в Казанском (Приволжском) федеральном университете проходят обучение более 40 иранских аспирантов и студентов, и, по мнению татарстанской и иранской сторон, это далеко не предел¹³. Базовый меморандум заключен также между Российским исламским университетом (Казань) и Международным университетом им. Имама Хомейни¹⁴. В декабре 2010 года в РИУ был открыт Центр персидского языка, организовавший бесплатные курсы по его изучению для всех желающих. Преподавателями курсов стали «носители персидского языка из Иранского консульства в Казани»¹⁵. Персидский язык также преподается в КФУ и Татарском государственном гуманитарно-педагогическом университете, где с 2005 года работает Поволжский региональный центр изучения иранистики. Учитывая специфику шиитского Ирана, практика студенческих обменов вряд ли получит широкое распространение даже в сфере религиозного образования, однако стремление Тегерана «догнать и перегнать» Анкару и на «образовательном» поле заслуживает как минимум пристального внимания. Процесс идет и в обратном направлении: как заявил в феврале 2011 года президент РТ Рустам Минниханов, в ближайшее время в Татарстан придут 9 студентов из Ирана для прохождения обучения по

¹¹ См. подробнее: Яна Амелина. Иран: мессианство или прагматизм? ИА «Росбалт», 08 июля 2009 г. <http://www.rosbalt.ru/2009/07/08/653429.html>

¹² См. подробнее: Яна Амелина. Как нам обустроить Иран. Фонд стратегической культуры, 15 февраля 2010 г. <http://www.fondsk.ru/news/2010/02/15/9995.html>

¹³ Возможности обмена студентами между РТ и Ираном далеко не исчерпаны — Ф. Мухаметшин. ИА «Татар-информ», 14 октября 2011 г. <http://www.tatar-inform.ru/news/2011/10/14/289397/>

¹⁴ Подписан меморандум о сотрудничестве между РИУ и Международным университетом им. Имама Хомейни (Иран). Официальный сайт Российского исламского университета, 5 июня 2008 г. http://www.e-riu.ru/riu_news/?ID=487

¹⁵ Собкор. Курсы персидского станут доступны любому казанцу. ИА Islamnews, 15 декабря 2010 г. <http://www.islamnews.ru/news-28514.html>

нефтегазовым специальностям. Еще 27 иранских студентов придут в Татарстан позднее¹⁶.

Иранское консульство в Казани уделяет большое внимание пропаганде культурных достижений своего государства. На лучших площадках столицы Татарстана регулярно проходят выставки иранского искусства, в том числе керамики, картин, ковров и других произведений, неизменно вызывающих большой интерес интеллектуальной публики¹⁷, организуются Дни культуры Ирана в Татарстане и т. п.

Нельзя не обратить внимание и на четко обозначенную линию казанского генконсульства на усиление привлекательности шиизма в среде татарстанских мусульман, что представляет собой достаточно сложную задачу. Выступая на международном научно-практическом симпозиуме «Исламоведческие исследования в современной России и СНГ: достижения, проблемы, перспективы» консул Исламской республики Иран в Казани Саед Мохаммад Реза Зареи дал емкую характеристику современному состоянию российской уммы¹⁸ и ряд советов по исправлению положения. Как и на других аналогичных мероприятиях, «турецкого (как, впрочем, и татарского) ответа» на этот демарш не прозвучало.

Подобная активность вызывает негативный отклик в среде татарстанских исламских интеллектуалов, полагающих, что «казанско-тегеранское партнерство может негативно сказаться на укреплении отношений Татарстана с арабским миром»¹⁹, а в перспективе привести к экспорту в РТ фундаментализма в его шиитском варианте, с которым уже вплотную столкнулся Азербайджан.

Учитывая, что татары и иранцы исповедуют различные направления ислама – суннизм и шиизм, между которыми существуют серьезные вероучительные противоречия, попытки усиления иранского духовного влияния воспринимаются в Казани без энтузиазма. Ректор Российского исламского университета Рафик Мухаметшин полагает, что «шиитизация» поволжских мусульман «невозможна, это из области фантастики», поскольку богословские разногласия достаточно велики, чтобы осложнить контакты даже в области образования, не говоря уже о чем-то большем. Схожего мнения придерживается и один из лидеров татарского национального движения, доктор исторических наук Дамир Исаков, убежденный, что шиито-суннитские противоречия слишком велики, чтобы их не учитывать²⁰. Татарстанские религиозные (как, впрочем, и светские) деятели выступают категорически против строительства в Казани шиитской мечети, предлагая шиитам

¹⁶ Рустам Минниханов: есть огромное желание выйти на укрепление отношений с Ираном в экономической сфере. Пресс-служба президента РТ, 8 февраля 2011 г. <http://president.tatarstan.ru/news/view/98333>

¹⁷ См. подробнее: Яна Амелина. Ковры и изразцы: диалог культур. ИА «Росбалт», 18 ноября 2008 г. <http://www.rosbalt.ru/2008/11/18/542421.html>

¹⁸ Которая, по его мнению, характеризуется следующими особенностями: беспокойство по поводу подавленного состояния молодежи из-за отсутствия надежды на будущее; неудовлетворенность в связи с распространением в обществе насилия и разврата, в первую очередь, через западные фильмы; заинтересованность в обучении исламу, а также «отсутствие достаточного представления об истинном исламе, достаточного числа библиотек и мечетей для знакомства с настоящим исламом». См. подробнее: Яна Амелина. Иран берет за российских мусульман. ИА «Росбалт», 27 февраля 2009 г. <http://www.rosbalt.ru/2009/02/27/622019.html>

¹⁹ Яна Амелина. Братья по религии и культуре. ИА «Росбалт», 2 апреля 2008 г. <http://www.rosbalt.ru/2008/04/02/471049.html>

²⁰ Яна Амелина. Ирану Татарстан не обратиться. ИА «Росбалт», 13 марта 2009 г. <http://www.rosbalt.ru/2009/03/13/625626.html>

посещать обычные суннитские, и в обозримом будущем эта позиция вряд ли изменится.

Как полагает руководитель Приволжского центра региональных и этнорелигиозных исследований Российского института стратегических исследований Раис Сулейманов, иранцы воспринимаются татарстанцами как «не совсем свои», хоть и мусульманские единоверцы, в связи с чем ресурс их влияния существенно ограничен. «Не удалось иранцам вовлечь Татарстан и в общий антиизраильский тренд своей международной политики, — отмечает он. — Известен случай, когда иранские дипломаты собирали татарских журналистов на неофициальный ужин в неформальной обстановке, прося от СМИ Татарстана почаще освещать палестинско-израильский конфликт, руководствуясь при этом «исламской солидарностью» и публикуя материалы в пропалестинском и, соответственно, в антиизраильском духе. Татарские «акулы пера» не отказались от этого предложения, но потребовали заплатить за свою «исламскую солидарность», чем весьма поразили иранских дипломатов, рассчитывавших, что татарские журналисты будут это делать бескорыстно».

Определенное влияние иранцев в Татарстане можно обнаружить, лишь когда они идут по пути дипломатического нажима, указал Сулейманов. Известны два таких случая: первый имел место, когда около трех лет назад в Нижнекамске был выпущен диск с мусульманскими видеолекциями антишиитского содержания, а второй — когда в КФУ планировали провести научную конференцию по Холокосту. По задумке организаторов, она должна была продемонстрировать, что далеко не все мусульмане согласны с позицией президента Ирана Махмуда Ахмадинежада, отрицающего факт геноцида евреев в годы Второй мировой войны. «В обоих случаях иранское консульство в Казани направило ноту протеста в республиканские органы власти, угрожая ухудшением отношений, — напомнил Раис Сулейманов. — Чтобы не доводить ситуацию до международного скандала, власти изъяли из продажи диск с антишиитскими видеолекциями и запретили проводить научную конференцию». Таким образом, полагает он, влияние иранцев в Татарстане ограничивается сугубо дипломатическими механизмами, с которыми вынуждено считаться региональное руководство, но это как раз и не делает Тегеран привлекательным в качестве внешнеполитического ориентира для казанского Кремля. Исходя из этого, можно прогнозировать, что в обозримом будущем духовно-религиозное влияние Ирана в РТ так останется на прежнем — невысоком — уровне, тогда как экономические связи будут поступательно развиваться.

Юрий Крупнов

Каспийская карта США и НАТО против России и Ирана

Политика США в бассейне Каспийского моря направлена на доминирование в регионе, обострение противоречий и создание антииранского и антироссийского военно-стратегического плацдарма.

Немаловажен и тот факт, что три из пяти Каспийских государств — Азербайджан, Казахстан, Туркмения — являются самой сложной северной границей Большого Ближнего Востока (ББВ), в рамках реализуемой в течение 30 лет «великой» стратегии (grand strategy) нового макрорегиона ББВ от Северной Африки до Казахстана и Индии включительно, совпадающего с Центкомом — Центральным Командованием Вооруженных сил США.

Морской форпост против Ирана

Непокорной державой в формирующемся ББВ остается Иран. Соответственно, действия США по отношению к Ирану на территории ББВ определяются известным принципом «анаконды»: тотального окружения Ирана с последующим его удушением. Задача создания каспийской буферной зоны между Ираном и Россией — постоянно их разделять, вбивать, образно говоря, клин между ними через стратегически важное и чрезвычайно чувствительное морское пространство Каспия. Очевидно: разрыв самой связки Россия — Иран имеет фундаментальное значение для обеспечения внерегиональным державам доминирующей позиции на Каспии.

Для разрыва этой связки во многом предназначены и два других американских проекта искусственного конструирования новых макрорегионов: Большая Центральная Азия и Каспийско-Черноморский регион, которые отсекают Россию и Иран друг от друга в поперечном направлении одновременно справа и слева.

Опубликованный в феврале текущего года доклад Госдепа США для Конгресса по бюджетному финансированию военных операций за рубежом в 2012 году, вызвал очередной всплеск интереса к проблеме милитаризации Каспия и стал свидетельством системности действий США по организации здесь морского форпоста против Ирана.

Согласно докладу, Вашингтон, ввиду «растущей важности безопасности Каспийского моря в этом богатом нефтью и газом регионе», намерен сдерживать Иран и Российскую Федерацию, вооружая их соседей (Азербайджан, Казахстан, Туркмения) по Каспийскому морю. Очевидно, что речь уже идет не просто о плоской милитаризации

региона, но и о сколачивании в перспективе Каспийского военного блока во главе с США.

Так, относительно Азербайджана, наиболее продвинутого в военно-морских делах отмечается, что «США будут продолжать работать с азербайджанскими ВМС с целью повышения безопасности Каспия, развития профессионального военного образования, расширения возможностей участия в совместных миротворческих операциях и содействия продвижению к оперативной совместимости с НАТО...» В перспективе Вашингтон считает, что Азербайджан будет вовлечен в блок НАТО. Уже сейчас с помощью США Азербайджан создал подразделение военно-морских сил специального назначения. Ожидается, что вооружение этой части вскоре пополнится специальными средствами производства стран НАТО. Во всяком случае, в этом центре работают инструкторы диверсионно-разведывательных подразделений SEAL ВМС США. В составе Береговой охраны Азербайджана (которая, пожалуй, является более развитой структурой, чем флот) находятся патрульный катер S-201 (бывший катер Береговой охраны США типа Point), два малых американских патрульных катера S-11 и S-12 типа Silver Ship. Азербайджан также располагает катерами RIB-36 производства США для переброски спецназа.

Казахстану США намерены помочь в модернизации морской авиации, в частности, уже имеющихся на его вооружении вертолетов (Huey II) производства США, что должно «повысить возможности казахстанских военных по охране важных объектов энергетической инфраструктуры и реагированию на угрозы Казахстану и на Каспийское море». Ранее в 2010 году США передало Казахстану четыре десантных катера на безвозмездной основе по программе пятилетнего плана сотрудничества между министерствами обороны РК и Соединенных Штатов. Еще раньше, в 2005 году, в Актау состоялась официальная передача трех американских 42-футовых катеров типа Defender постройки компании Safe Boat International. Кроме того, в 2006 году Южная Корея передала Военно-морским силам Казахстана три сторожевых корабля (патрульные катера типа Sea Dolphin) водоизмещением 150 т. По сути, именно с 2006 года началась история современных ВМС РК.

Возможно, что США также косвенно участвуют в модернизации ВМС Казахстана через совместные казахстанско-азербайджанские программы. Так, в 2008 году военным руководством Казахстана была достигнута договоренность о подготовке личного состава морского спецназа Казахстана на базе разведывательно-диверсионного центра ВМС Азербайджана.

В Туркмении, только начинающей превращаться в государство с ВМФ, Вашингтон планирует заняться организацией подготовки местных военных моряков на английском языке в рамках программы IMET (International Military Education and Training). Кроме того, «американская помощь будет направлена на содействие укреплению зарождающегося туркменского военно-морского потенциала, который будет способствовать безопасности на Каспийском море». В целом, за счет средств Программы зарубежного военного финансирования (Foreign Military Financing — FMF) и проведения подготовки внутри страны на английском языке США рассчитывают на дальнейшее расширение сотрудничества.

Объемы финансирования в цифрах

Фактическое участие США в милитаризации региона и трех прикаспийских государств может быть оценено из приводимых в докладе объемов финансирования США

		Kazakhstan		Turkmenistan		Azerbaijan	
		2010	2012*	2010	2012*	2010	2012*
Assistance for Europe, Eurasia and Central Asia (AEECA)		10,400	14,100	12,500	8,000	22,000	16,600
из них:	Counter-Narcotics	485	487	199	400	-	-
	Transnational Crime	990	874	199	230	250	300
	Stabilization Operations and Security Sector Reform	555	555	199	171	-	-
	Combating Weapons of Mass Destruction (WMD)	50	0	-	-	240	183
Foreign Military Financing (FMF)		6,843	2,000	2,000	800	3,000	3,000
International Military Education and Training (IMET)		779	785	262	350	886	900
Nonproliferation, Antiterrorism, Demining and Related Programs		1,900	1,700	1,075	850	965	865

* — запланировано

прикаспийских стран в сфере поддержания мира и безопасности за 2010/2012 г.г. (см. таблицу).

Абсолютные размеры финансирования, разумеется, не производят особого впечатления по сравнению, например, с триллионом долларов, истраченных за прошедшие десять лет на операции в Афганистане и Ираке. Однако с точки зрения предметных задач и методов действия это вполне серьезные суммы, позволяющие США создавать комплексную инфраструктуру обеспечения ведения военной операции.

Это понимают все внимательные эксперты. Некоторые политологи даже стали говорить о «превращении Каспия в аналог Персидского залива», поскольку «большая нефть часто становится причиной больших войн».

Представляется, что организация базы ВМФ США не является обязательной для решения всего спектра задач США и Центкома в регионе, поскольку комплексная инфраструктура обеспечения ведения военной операции не включает необходимость подобной базы. Вполне достаточно опорных пунктов, подчиняющихся местному национальному командованию, или, по официальной терминологии Минобороны США, кооперативный объект по обеспечению безопасности (а Cooperative Security Location, CSL) или передовая, форвардная операционная площадка (а Forward Operating Site, FOS), на которой присутствует незначительное число постоянного военного персонала США.

Не лишним будет также обратить внимание на заявления еще предыдущего Министра обороны США Дональда Рамсфельда в 2006 году о создании совместно с Азербайджаном специального командного пункта (Command Post), который при этом подчеркнуто, отличался от военной базы. Представляется забавным, что публикация про этот пункт-пост исчезла из архива опубликовавшей об этом заметку газеты Washington Times.

Однако и до порогового момента с созданием базы ВМФ США, который, хотелось бы

надеяться, не наступит, организуемые США уровень и темпы милитаризации Каспийского моря являются крайне высокими и уже сейчас позволяют говорить о резкой дестабилизации региона, о переходе количества милитаризации в новое военное качество.

Стремительно строящиеся и модернизируемые флоты Азербайджана, Казахстана и Туркменистана имеют особое значение, однако, являются лишь элементом всей системы военно-стратегического плацдарма США.

Во-первых, основополагающее значение для нанесения удара со стороны Каспия имеет сеть баз в регионе: прежде всего, в Афганистане и Ираке, а также, возможно, со временем, в государствах Южного Кавказа.

Во-вторых, в связи с известным типом американского метода ведения войны с упором на бесконтактные воздушные и космические удары, решающее значение имеет созданная к настоящему времени полномасштабная система контроля воздушного пространства над Каспием.

Достаточно указать на то, что по сообщениям прессы, у США и Азербайджана уже три года назад имелось три станции слежения за воздушными полетами, а у России и Азербайджана — одна, Габалинская с устаревшим оборудованием, серьезно уступающим мобильным станциям корпораций «Нор троп» и «Локхид Мартин».

Каспийская флотилия — не угроза для Ирана

Впрочем, до сих пор в количественном плане боевое усиление каспийских флотилий не представляет для Ирана критической угрозы в регионе. Дело в том, что Иран — второй после России обладатель военно-морской мощи на Каспии.

Вооруженную силу Ирана на море представляют около 90 катеров и вспомогательных судов. В основном это небольшие катера и диверсионно-штурмовые средства Корпуса стражей исламской революции (КСИР). Надо отметить, что ВМС КСИР (главная военно-морская база — Нушехр) не подчиняется командованию ВМС армии в зоне Каспийского моря (ГВМБ — Энзели), скорее наоборот. Однако, несомненно, в условиях войны они будут действовать согласованно.

Главная ударная сила ВМС иранской армии на Каспии — два ракетных катера типа Sina. Они представляют собой иранскую версию французских РКА типа Combattante II. Их водоизмещение — около 300 т, длина — 47 м, ширина — 7 м. Катера оснащаются дизелями китайского производства, которые позволяют развивать 35-узловую скорость полного хода. Главное оружие — две спаренные пусковые установки противокорабельных ракет Noog (иранская версия китайских ПКР С-802) с дальностью стрельбы до 120 км. Имеется универсальное 76-мм автоматическое орудие ОТО Melara итальянского производства (эти пушки заимствуются у списанных из состава ВМС кораблей), спаренная 40-мм зенитная установка и два пулемета калибра 12,7 мм. То есть РКА типа Sina — весьма серьезные корабли, обладающие значительным ударным потенциалом. Первый катер, получивший название Joshan, вошел в состав ВМС Ирана на Каспии в 2006 г., а второй — в 2010.

В ближайшее время планируется неминуемое дальнейшее наращивание флота на Каспии.

Как сообщил заместитель командующего ВМС Ирана адмирал Гуламреза Хадим, второй ныне строящийся ракетный «эсминец» (на самом деле это корвет) типа Jamagan будет нести службу на Каспии. Водоизмещение этого «эсминца» — около 1420 т, а

вооружение включает ПКР Noog, артиллерийские установки и вертолет, способный обеспечивать целеуказание на большие дистанции.

Важной является возможность быстрой переброски малых боевых катеров ВМС Ирана и КСИР из Персидского залива на Каспий. Для этого с использованием большегрузного автотранспорта требуется всего несколько суток. Например, в настоящее время в Иране ведется строительство малых ракетных катеров типа Реукаар II. Планируется ввести в строй всего 75 единиц малых катеров. Их вооружение состоит из двух противокорабельных ракет FL 10 (С-701) китайского производства. Дальность стрельбы FL 10 — 15-20 км, а масса боевой части — около 30 кг. Но, несмотря на скромные характеристики, эти ракеты при массовом применении могут доставить немало бед.

Недавно прошли испытания более мощные ракеты Nasg-1 (вариант китайской ПКР С-704) на малом катере нового проекта. Ею уже можно стрелять на 30 км, а масса боевой части ПКР — 130 кг, то есть такими ракетами можно топить корабли водоизмещением около 3000 т. Не исключено появление на Каспии малых подводных лодок ВМС Ирана, серийное производство которых освоено с помощью Северной Кореи.

Таким образом, мощь военно-морских сил Ирана на Каспии является вполне достаточной для отражения непосредственно морского нападения или ведения локальных боестолкновений.

К тому же милитаризация, даже будучи направлена против одного из государств, прежде всего, Ирана, всегда взрывным образом повышает опасность и для самих вооружающихся государств, обретающих дополнительные возможности для решения трудных спорных вопросов военным путем.

Следует обратить внимание, что Россия, видя в растущей милитаризации региона угрозу своей и общекаспийской безопасности, несмотря на то, что имеет в наличии самую мощную военную группировку в акватории моря, активно работает на то, чтобы не допустить появления на Каспии вооруженных сил иных внерегиональных государств, прежде всего, очевидно, США и НАТО.

Однако, некоторые действия Минобороны РФ трудно назвать иначе, чем “двусмысленные”. Напомним, что в свое время Россия отказалась поставлять вооружения для формирования военно-морских сил Казахстана. Между тем, по словам вице-адмирала Юрия Старцева, сейчас идет работа по передаче двух кораблей российской Каспийской флотилии военно-морским силам Казахстана. В то же время, на первой международной выставке вооружения и военной техники «INDO DEFENCE-2004 EXPO & FORUM» Москва предлагала странам Южной и Юго-Восточной Азии, в том числе и своим каспийским партнерам — Азербайджану, Ирану, Казахстану и Туркмении, экспортный вариант своей ракетной установки «Уран-Э». Конечно, по своим боевым характеристикам он менее мощный, чем тот, что стоит на вооружении наших кораблей ВМФ, но все же является грозным оружием на море. Данный факт позволяют сделать вывод, что Россия едва ли не специально усиливает мощь своих соседей — для чего?

И это происходит в ситуации, когда буквально «зависло в воздухе» озвученное в 2006 году Россией предложение о создании на Каспии системы коллективной безопасности в рамках единой военно-морской группы оперативного взаимодействия «Касфор».

Представляется, что партнерство России и Ирана данным вопросе, четкое осознание Москвой своих стратегических интересов в регионе должны, как минимум, привести к интенсификации дипломатического общения в сфере обеспечения многомерной и надежной безопасности в общем Каспийском море.

Хасан Зухраи

Глобализация экономики и внешняя политика Ирана

Изменения происходившие на мировой арене и начале XXI века вынудили государства мира пересмотреть свое отношение к миру в целом, и к внешней политике в частности. Глобализация экономики и либерализация принципов и норм мировой торговли оказали огромное влияние на внутреннюю жизнь и на международное положение многих государств и объектов между-

народной политики. В этих условиях развитие новой концепции внешней политики становится очевидным. Новая внешняя политика должна в первую очередь учитывать экономические аспекты, интересы государства в области внешней политики. Политика в области внешней торговли должна стать одним из главных направлений внешнеполитического курса страны. Иранская дипломатия в равной степени должна служить интересам сохранения территориальной целостности, а также учета торговых интересов Ирана¹.

Движение в направлении глобализации экономики началось в Иране по рекомендации Всемирного банка и Международного валютного фонда еще с 1990, после завершения многолетней войны с Ираком, которое сопровождалось приватизацией и либерализацией многих сфер экономики страны, в первую очередь торговли. К большому сожалению, многие мероприятия по либерализации экономической жизни были проведены поспешно, без предварительного изучения ситуации и состояния экономики, в ходе проведения которых были допущены серьезные ошибки и просчеты. Статистика показывала, что либерализация импорта привела к резкому подъему объемов импорта и увеличению размеров государственного долга Ирана. По данным Всемирного банка он достиг астрономической суммы — 50 млрд. долларов. Страна была вынуждена в счет погашения кредитов и процентов к ним направить 50% дохода от реализации нефти и других нефтяных товаров. Впервые правительство Ирана обратилось в международные финансовые структуры о реструктуризации иранского внешнего долга и выплат по ним. Уменьшение объемов валютных поступлений стало причиной уменьшения объемов иностранных капиталовложений в экономику страны. К примеру, если в 1999 году индекс развития капиталовложений в экономику страны составил 5%, то в 1992–1997 годах, этот показатель колебался в пределах 5–7%, в 1995 году среднегодовые темпы экономического развития составляли 2,97%, а в течение предыдущих 9 лет (1992–2000) среднегодовые темпы прироста иранской экономики

составляли всего 0,87%. Уровень инфляции в 1995 году составил 35,2%, а в 1996 году 49,4%. Политика урегулирования экономической жизни страны в первые годы реформ резко ухудшила экономические показатели, и руководство страны было вынуждено ввести ограничения на ввоз товаров (импорт) в страну. В целом осуществление программы либерализации экономической жизни Ирана, проводимая в целях сближения экономики страны с мировой экономикой, имела для Ирана трагические последствия 2.

С другой стороны необходимо осознать, что вхождение страны во Всемирную торговую организацию (ВТО) предполагает наличие у нее развитой экономики как необходимого условия для обеспечения конкурентоспособности продукции национальной экономики на мировом рынке.

Для экономики Ирана существуют определенные преграды на пути вступления страны в эту международную организацию. Открытость экономики Ирана, повышение экономического потенциала страны и укрепления экономических и социальных структур могут способствовать сохранению и защиты национальных интересов страны в условиях глобализации. Только в этом случае вступление Ирана в ВТО даст положительные результаты, а игнорирование этих вероятных последствий может привести в дальнейшем к возникновению кризисных ситуаций в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

Развитие равноправных экономических отношений с развитыми в экономическом и технологическом плане странами мира является вторым важным условием. Только равноправные связи отвечают национальным интересам Исламской Республики Иран. Поддержание стабильных политических и экономических связей с менее развитыми странами мира не может оказать негативное влияние на экономику Ирана, но с другой стороны, такие связи не обеспечат динамичное и стабильное развитие национальной экономики 3.

Глобализация открывает новые возможности для динамичного развивающейся экономики Ирана, имеющей большой потенциал увеличения промышленного производства. Снижение тарифов способствует преодолению препятствий на пути развития импорта в страну. С другой стороны политика снижения и унификации тарифов приведет к повышению конкурентоспособности импортируемых товаров на внутреннем рынке, что чревато для национальной экономики 4.

Как было выше отмечено, после 1998 года Исламская Республика Иран в своей внешнеполитической деятельности особо акцентировала внимание на экономические аспекты. Проблему сближения национальной экономики с мировой экономикой невозможно решать без привлечения иностранных инвестиций, участия других стран в развитии современных, наукоемких и высокотехнологических отраслей промышленности, укрепления международного доверия, развития культурных связей между государствами, внедрения новых передовых технологий и активного участия Ирана в деятельности региональных и международных организаций и на перспективе получения статуса члена Всемирной торговой организации (ВТО).

Несмотря на предпринимаемые шаги руководством ИРИ в деле сближения экономики страны с мировой экономикой, эти шаги осуществляются с большой осторожностью, поскольку сам процесс слияния с мировой экономикой имеет длительный характер. Но все, же основные шаги на этом пути уже сделаны:

- приватизация государственного сектора экономики и сокращение государственного бюрократического аппарата;

- координация экономической политики с деятельностью международных финансовых структур;
- создание благоприятных условий для привлечения иностранных инвестиций.

В век взаимной зависимости государств осуществление внешней политики, направленной на приоритет внутренних экономических задач может привести к ситуации, когда государства не смогут использовать все возможности глобализации, препятствовать увеличению разрыва в технологическом развитии и в целом ослаблению международных позиций стран. С другой стороны глобализация эта такая реальность, которую невозможно игнорировать. Необходимо идти навстречу глобализации, отказ от использования плодов глобализации означает еще большее отставание и изоляцию.

Глобализация экономики и взаимная экономическая зависимость внесла определенные коррективы в подходах и практике осуществления внешней политики, которая опирается главным образом на экономические факторы при решении международных проблем и отношений между государствами.

Исламская Республика Иран в целях установления и развития экономических отношений с соседними странами, в том числе с государствами Центральной Азии, а также с Европейским сообществом и ведущими государствами мира, укрепления доверия страны на международной арене проводит политику отказа от противостояния и конфронтации и осуществляет политику взаимовыгодного сотрудничества со всеми государствами. Следует также отметить, что на первом этапе осуществления нового внешнеполитического курса достигнутые первые успехи имели политический характер. Продолжение этого курса — развитие экономических и торговых связей Ирана с другими странами способствовал укреплению позиций Ирана на международной арене.

Проведение политики позволило ослабить напряженность в отношениях с ряда государствами, и отвечало интересам безопасности и стабильности в регионе и создало условия для развития взаимовыгодных экономических связей Ирана со всеми государствами мира.

Глобализация и политика ИРИ в области прав человека. Внешняя политика государства опирается на Конституцию, основные цели и идеалы этой страны. Принимая во внимание значимость принципов уважения прав человека, с учетом исламских ценностей, Конституция ИРИ законодательно закрепляет основные нормы и принципы соблюдения прав человека и определяет права человека как один из определяющих принципов внешней политики страны.

Другим важным идеалом исламской революции считается защита всех освободительных движений, и этот принцип закреплен в Конституции страны, являющийся символом солидарности иранского народа с движением народов мира за независимость и свободу, в том числе от диктаторских режимов. Отсутствие дипломатических связей Ирана с расистским режимом в Южной Африке в годы господства апартеида и оккупационным режимом Израиля является свидетельством применения этого принципа на практике дипломатических сношений Ирана.

Установление и развитие отношений с государствами и правительствами новых независимых государств, провозглашенных по воле народов этих стран, также является проявлением уважения и соблюдения Ираном принципа защиты прав человека на международной арене.

Исламская Республика Иран в своих отношениях с внешним миром провозглашает идеи социальной справедливости, борьбы против всяких проявлений гнета и тирании, уважения свободы и достоинств личности и защиты интересов угнетаемых народов во всем мире. Эти ценности лежат в основу внешней политики ИРИ. Каждая из этих идей на практике означает защиту прав человека на международном уровне, но основу идеи защиты прав человека составляет защита прав и интересов всех мусульман, развитие отношений с демократическими режимами, поддержка борьба угнетенных народов против угнетаемых кругов и т. д. 5

Как было отмечено выше принципы защиты прав человека отражены в Конституции ИРИ и лежат в основу внешнеполитической деятельности страны, а в условиях глобализации и повышения интереса мирового сообщества к вопросам соблюдения прав человека во всем мире, ИРИ ставит перед собой цель активно участвовать в деятельности международных организаций по правам человека. Кроме того Иран на международном уровне заявляет о своем видении проблемы прав человека, сущность которой заключается в одностороннем подходе Запада в вопросах прав человека, когда проблема прав человека, по сути, рассматривается западными странами с позиций западной культуры и права.

С другой стороны Исламская Республика Иран, начиная с 90-х годов прошлого столетия, в своей внешнеполитической стратегии опирается главным образом на ведение активной внешнеполитической деятельности, в том числе активно участвует в работе международных организаций.

Если в первые годы после победы исламской революции руководство Ирана проводило курс на отстранение от решения международных проблем и пассивного участия в работе международных организаций, то начиная с 90-х годов прошлого столетия такая политика уже не могла отвечать интересам страны. Что касается нового понимания постановки вопроса о правах человека, ИРИ выступает за преодоление одностороннего западного подхода к этой проблеме, вопросы прав человека должны быть рассмотрены с позиций культуры всех народов, они должны иметь универсальный и всеобщий характер, отвечать интересам всех народов мира. Именно по этой причине ИРИ принимает активное участие в работе Совета по правам человека Организации Объединенных Наций.

После завершения «холодной войны» ряд государств, в том числе Исламская Республика Иран выступали против общемировой постановки проблемы прав человека. Среди этих стран Иран занимал самую активную позицию. Иран рассматривал проблему вынесения вопросов соблюдения прав человека на международный уровень попыткой западных стран навязывать другим странам свое понимание, и тем самым, диктовать им правила поведения на международной арене, а также средством внедрения западной культуры и западного образа жизни. В конференции ООН по правам человека, проходившей в Вене в 1993 году иранская делегация заявляла: «Иран выступает за серьезную и глубокую по сути полемику по вопросам прав человека, поскольку главная проблема западных стран заключается в их одностороннем понимании прав человека, и по этой причине им не удалось выработать всеобщую идею, поддержанную бы другими странами».

Далее иранская делегация заявила: «Запад желает одновременно выступить в качестве арбитра, судьи и прокурора и присяжных заседателей по вопросам прав человека. Запад также выступает в качестве законотворческого органа, в руках которого находится право комментировать этот закон» 6.

Иран выступает за изменение сущности постановки проблемы прав человека, поскольку существующие правовые нормы, регулирующие права человека были разработаны в условиях усиления противостояния между Западом и Востоком, в период «холодной войны», и это противостояние оказало влияние на понимание этой проблемы. К примеру, Всеобщая декларация прав человека была принята в 1948 году, многие положения которой морально устарели. Исходя из этого, Иран выступает за разработку новых вариантов и редакций основополагающих международных правовых документов, регулирующих права человека, положения этих международных документов не должны представлять собой догму, необходимо разработать систему, в которой, вместо полемики и противостояния существовала атмосфера сотрудничества и взаимопонимания.

Усилия ИРИ на международной арене направлены на новую постановку вопроса о правах человека, освобождения ее от западного диктата и западного образа мышления, с тем, чтобы проблема прав человека отвечала интересам всех народов мира и не стала орудием возмездия Запада для достижения мирового господства.

Использованная литература:

Фахри Мехди. Джахони шудане сиясате хориджи бо токид бар джумхури-е ислами // «Фаслнома-е сиясате хориджи», 1379, №2 — С. 576.

Такави М. Ирон дар остона-е назора-е саввуме милоди // Фаслнома-е Пажухишнома-е иктисади, 1380, №3. — С. 11-12.

Такави М. Манофе-и милли ва джахони шудан // <http://www.nashrieh-nameh.com>.

4) Такави М. Манофе-и милли ва джахони шудан // <http://www.nashrieh-nameh.com>.

5) Мавлоно Хайдар. Дипломаси-наме. Тегран: Нашре джумхури-е Иран, 1387, С. 9-10.

6) Закириан М. Хукуке башар дар хазора-е джадид. Тегран: Хамшахри, 1380. — С. 63.

Александр Князев

Регионализация или глобализация Евразии

Рост динамики в образовании различных региональных блоков, сразу ускорившийся после развала СССР и окончания холодной войны, в определенной мере становится результатом отсутствия глобальных полюсов и тенденцией к формированию ответа на глобальные вызовы со стороны США, вознамерившимися быть одним и единственным полюсом современного мироздания.

Но развитие не терпит отсутствия противоречий и независимо от воли вашингтонских администраций вносит в международную жизнь основополагающие субстанции гегелевской диалектики: в мире налицо стремительный рост региональных полюсов разного уровня и различных масштабов. Естественный ход событий, включая и субъективный фактор, само общество, политических лидеров, ведет к созданию самых разных интегрированных образований, региональных блоков.

Они формируются, как правило, странами с одинаковым (или похожим) уровнем развития, а еще чаще — по сугубо политико-географическим критериям, включая как большие и богатые, так и менее успешные и невеликие по своим территориально-демографическим показателям страны. Здесь стоит согласиться с утверждениями представителей традиционных геополитических «панрегиональных» школ в том, что географический критерий является главным. «География есть самый фундаментальный фактор во внешней политике государств, потому что он наиболее постоянен. Министры приходят и уходят, умирают даже диктаторы, но цепи гор остаются неколебимыми»¹.

Естественно, что формирующиеся региональные полюса объективно стремятся стать противостоящими друг другу, прежде всего — экономическими, блоками, конкурирующими друг с другом. Конкуренция — единственная константа развития, мир без конкуренции — мертв.

Можно долго и много спорить об объективности глобализации или о ее проектном характере, но уже к нынешнему времени очевидно, что глобализация в качестве первичной контрреакции вызывает развитие регионализации, которая, в свою очередь, препятствует развитию процессов глобализации. Абсолютно ни-

¹ Spykman N.J. America's Strategy in World Politics. The United States and the Balance of Power. — New York, 1942. — P. 41.

чего нового, ничего, что противоречило бы уже упомянутой выше классической гегелевской диалектике. Современный мир демонстрирует обострение множества крайне противоречивых процессов: интеграции и дезинтеграции, глобализации и локализации, радикальную трансформацию еще недавно вполне успешных геополитических сценариев или схем и возникновение принципиально новых.

Ресурсный потенциал, да и вообще потенциал развития в мире не растет, а уменьшается, размещен он крайне неравномерно. Данных такого рода в разных источниках множество, но в данном контексте расхождения не принципиальны. Подтвержденные запасы нефти и газоконденсата, а также природного горючего газа: Евразия — 76,4 и 77,8%, Африка — 6,6 и 6,7%, Америка — 14,7 и 10,5%, Австралия — 0,3 и 0,4 %. Сравнительно небольшое число стран мира обладают уникальными и крупными нефтегазоносными регионами, включающими различное количество подтвержденных запасов углеводородов: Россия — 13,7 и 34%, Ирак — 9,9 и 2,4 %, Иран — 8 и 15,1%, Кувейт — 8,4 и 1,1%, ОАЭ — 5,6 и 4,2%, Саудовская Аравия — 23,1 и 3,8%, Китай — 3 и 0,8%, Ливия — 2,6 и 1%, Венесуэла — 6,4 и 2,9 %, Мексика — 4,3 и 1,4%, США — 1,9 и 3,4%, обеспечивающих — 62% мировой добычи нефти и 57% газа. При этом качество минеральных ресурсов условия их отработки различны. Например, затраты на добычу 1 тонны нефти в регионе Персидского залива — 14,5 доллара, в Африке — 45 долларов, в Южной Америке и США — 60 долларов, в России — 40-60 долларов, в Северном море — 74 доллара². ergo, обостряется конкуренция между ведущими центрами силы за обладание ресурсами, а, возможно, еще острее — за будущие возможности обладания этими ресурсами.

«Гипотеза демократического мира» Джека Леви и его сторонников, пытавшихся придать глобализации статус всеобщего закона общественных наук в результате массивных усилий ее популяризации (в том числе и Ф. Фукуямой) стала одним из важнейших постулатов доктрины либерального интервенционизма, то есть обнаружила свое главное качество — качество элементарного инструмента прикладной идеологии и политики³. Как идеологема, она выстроена под доминирование «свехдержавы» и не берет в расчет главный движитель — конкуренцию — обнаруживая слабое знакомство американских прикладных идеологов элементарным основам философии.

В реальности же, конкуренция, через различные инструменты — глобализацию, регионализацию, блокотворчество — создает принципиально новую конфигурацию соотношения сил и интересов между существующими либо формирующимися мировыми центрами. Эти центры неизбежно будут вступать в конфликты, включая и военные, как друг с другом, так и со странами, которые окажутся намерены сохранить свой ресурсный суверенитет, не вступая в блоки и альянсы.

Во всем этом контексте все более принципиально важным, стержневым, становится вопрос, поставленный в свое время В.Л. Цымбурским: «...станут ли отдельные секторы Лимитрофа — Восточная Европа, Кавказ и «новая» Центральная Азия — в первую очередь посредниками между соседствующими с ними цивилизациями, связуя и вместе с тем разделяя их, как то и было в веках, или же весь Лимитроф окажется насквозь соединен в противостоящую большинству платформ Евро-Азии стратегическую и геоэкономическую целостность с прямым выходом через Восточную Европу на Евро-Атлантику, которая видит себя в роли «все-

² См.: Независимое нефтяное обозрение «Скважина». — М., 2001. — 20 марта.

³ Levy J.S. The Democratic Peace Hypothesis: From Description to Explanation // Mershon International Studies Review. — 1994. — No 38. — P. 452.

мирной цивилизации»? В такой форме на этих пространствах должна проявиться зарождающаяся сегодня борьба между двумя тенденциями развития мира — к униполярности или к реальной силовой многополярности, что, по-видимому, и составит главное содержание мировой военно-политической истории в ближайшее пятидесятилетие»⁴.

Можно уже уверенно констатировать: национальное государство как специфическая единица исторического процесса перестает быть субъектом стратегического пространства для функционирования экономики и развития технологий. Эта функция сохраняется за небольшим рядом государств, обладающих наибольшим инфраструктурным и/или ресурсным потенциалом, которые можно обозначить понятием «империй», или «государств-корпораций», где бюрократии, распоряжаясь экономическими ресурсами государства, наряду с транснациональными корпорациями, действуют как самостоятельный игрок, используя свои конкурентные преимущества, в том числе и систему управления. Это государства-корпорации с высококонцентрированным капиталом, который подконтролен правящей элите и ею же управляется. Это США, Россия, Китай, по этому пути развития идут Индия, Иран, Бразилия. Кто-то решается вступать в новое качество глобальной конкуренции в одиночку (Индия, Иран), кто-то ищет возможность интегрирования в свой потенциал менее мощные лимитрофы (Россия).

При этом создание региональных межгосударственных блоков и организаций остается одним из наиболее действенных приемов в борьбе великих держав за свои интересы⁵. Жизнеспособность и эффективность таких блоков и организаций, как свидетельствует история, детерминирована одним двуединым условием — их адекватностью объективным национальным интересам всех участников и привлекательностью страны-лидера.

Таким образом, в новой мировой реальности единственным шансом на сохранение многих из нынешних государств будет уход под протекторат государств-корпораций или держав. Причем, поступаться своим суверенитетом в пользу избранного сюзерена придется им разной степени, отказываясь от многих, в том числе — этно-исторических стереотипов, сохраняя и в составе блоков и союзов суверенитет в принципе.

Региональная интеграция является едва ли не единственным способом противостоять и навязываемой со стороны англосаксонского центра силы «Балканизации», наиболее известным из построений которой является пресловутый «Прокт Большого Ближнего Востока».

В его рамках есть и компонент под названием «Великий Белуджистан».

Разделение населенных белуджами территорий произошло в конце XIX в. в результате договоренностей между Ираном, Афганистаном и Великобританией. Тогда и появились сами понятия «Иранский или Западный Белуджистан» и «Британский

⁴ Цымбурский В.Л. Геополитика для «евразийской Атлантиды»// Pro et contra. — М., 1999, т.4, №4. — С. 142.

⁵ См. подробнее: Князев А.А. «Многовекторность» внешней политики как атрибут переходного периода и как политический эвфемизм: естественные пределы в эпоху геоэкономики // Внешне-политическая ориентация стран Центральной Азии в свете глобальной трансформации мировой системы международных отношений / Под ред. А.А. Князева и А.А. Мигранян. — Бишкек, 2008. — С. 40–42. См. также: Князев А.А. Интеграционные проекты и геополитическое соперничество в Центральной Азии// Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнительный анализ, возможности и перспективы / Под ред. А.А. Князева. — Бишкек, 2007. — С. 12–13.

(индо-пакистанский) или Восточный Белуджистан». В основе всех политических процессов, в ходе которых исчезали или появлялись белуджские независимые образования, суверенные территории и т. д., лежат явления, непосредственно не связанные с племенной структурой и внутриплеменными отношениями. Белуджские племена это уже далеко не эндогамные единицы, и вместо кровных уз чаще всего их объединяют социально-экономические и территориальные связи. Скажем, белуджские племена в борьбе против англичан, персов или же других иностранных масс часто предпочитали военные союзы не со своими соплеменниками, а с теми формированиями, союз с которыми на данном этапе в наибольшей степени соответствовал их интересам. Одним из этносов, часто входящих в союзы с белуджами, являются брагуи⁶.

В иранской провинции Систан и Белуджистан компактно проживают около одного миллиона белуджей, объективно имеющих возможности для интеграции в жизнь страны, учитывая в целом позитивные тенденции иранской этнической сферы, целенаправленную и конструктивную национальную политику иранского руководства⁷. Экономически провинция в целом не очень развита, значительную часть ее территории занимают пустыни и полупустыни, и основная часть населения занимается скотоводством и земледелием. Но в провинции ведутся большие работы по обновлению коммуникационных систем, созданию промышленных объектов и модернизации в целом.

Иранское правительство контролирует территорию расселения белуджей и не допускает возникновения нежелательных явлений, в стране отсутствует тенденция к искусственной унификации этнодемографической картины. Белуджского вопроса как такового в Иране не существует, несмотря на активную работу антииранских сил по дестабилизации ситуации в районах, населенных белуджами, по фрагментации этнополитического состояния страны. Основную работу в этом направлении ведут исламские организации «Моджахеддин-е Халк»⁸ и «Федаян-е Халк»⁹. Позиционировавшие себя когда-то как партии левого толка («Федаян-е Халк» — даже как марксистская), к нынешнему времени обе организации де-факто могут быть отнесены к экстремистским и террористическим, обе успешно контактируют с ЦРУ США и иракской спецслужбой «Мухабарат»¹⁰.

Одним из концептов антиправительственной пропагандистской работы «Федаян-е Халк» является тематика этнической дискриминации белуджей, наличия этнических депортаций и подавления восстаний¹¹. Другая группировка — «Мод-

⁶ См.: Пикулин М.Г. Белуджи. — М.: Наука, 1959. Его же: Брагуи. — М.: Наука, 1967. Например, афганские белуджи чрезвычайно активно участвовали в войне против кабульского правительства и советского военного присутствия в 1980-х гг., в движении «Талибан», объединяясь с пуштунами.

⁷ Бояджян В. К вопросу о белуджском сепаратизме// Центральная Азия и Кавказ. — Лулео, 1999. — № 6.

⁸ Полное название — «Моджахеддин-е Халк-е Иран» (Mujahedin-e Khalq Organization, Muslim Iranian Student's Society), «Борцы за правое дело Иранского народа».

⁹ Поборники народа, точнее — «люди, приносящие себя в жертву во имя народа».

¹⁰ Главное управление разведки (Даират аль-мухабарат аль-амма). В состав разведывательного сообщества Ирака также входят Специальная служба безопасности (Джихаз аль-амн аль-хасс), Главное управление военной разведки (Аль-истихбарат аль-аскерийа), Главное управление безопасности (Мудирият аль-амн аль-амма), Служба радио- и радиотехнической разведки («Проект аль-Хади»).

¹¹ Бояджян В. К вопросу о белуджском сепаратизме// Центральная Азия и Кавказ. — Лулео, 1999. — № 6, со ссылкой на «KAR». — Орган «Федаян-е Халк», весна, 1998.

жахетдин-е Хальк», апеллирующая к якобы имеющей место дискриминации суннитов, — ведет радиопередачи на Иран, имеет вооруженные группы¹². В мае 2008 г., сразу после объявления очередных финансовых санкций, в том числе за блокирования счетов иранского «Национального банка», министерство финансов Великобритании объявило о снятии ареста со счетов «Моджахеддин-е Халк». Такая мера со стороны министерства финансов была основана на решении правительства, парламента и судебных инстанций Великобритании, согласно которому эта организация была исключена из списка террористических организаций¹³.

Идеи национализма и тенденции сепаратизма более развиты в Восточном Белуджистане, где проживают около 4 миллионов белуджей. Белуджские общественно-политические организации за рубежом основаны главным образом выходцами из Пакистана и именно они пытаются провоцировать этнические настроения в иранском Белуджистане. Этническое самосознание восточных белуджей находится на довольно высоком уровне. Идея создания Великого Белуджистана занимает центральное место в планах белуджских националистов. Карта «Великого Белуджистана» охватывает огромнейшие территории, далеко выходя за все белуджоязычные регионы. Западная его граница достигает центральной части Ирана, на востоке вообще не существует Пакистана. Восточная граница, поднимаясь вверх, включает юго-западную часть Афганистана и на севере достигает до Марыйской области Туркмении. Некоторые идеологи белуджских националистов приписывают себе семитское происхождение и считают себя одним из древнейших народов мира.

После создания государства Пакистан в 1947 г. белуджские лидеры попытались провозгласить независимость, но в течение года удалось включить белуджские территории в состав Пакистана, в 1952–1955 гг. в качестве формальной административной единицы был создан Союз белуджских провинций, позже преобразованный в провинцию Белуджистан. Тем не менее, выступления на этнической почве, в том числе вооруженные восстания, продолжались, особенно в 1970-х гг.¹⁴

В Афганистане численность белуджей оценивается примерно в 300 тыс. человек (брагуи — около 250 тыс. человек). Белуджи в Афганистане компактно проживают в основном в провинциях Нимруз и Гильменд на юго-западе Афганистана. Несколько тысяч белуджей проживают и в других местах Афганистана. Белуджи в Афганистане проявляют активность, как правило, в рамках общих афганских, прежде всего — пуштунских, движений, в общественно-политических процессах этнически не обособляясь.

С точки зрения геополитической значимости проблемными остаются пакистанские белуджи. С 2003 г. берет отсчет новый виток националистического движения в Белуджистане. Недовольство белуджей концентрируется вокруг четырех основных вопросов: отсутствия должного представительства во властных структурах провинции, несправедливой доли в доходах от добычи газа в провинции, дискриминации белуджей при осуществлении на территории Белуджистана мегапроек-

¹² Bush administration paralyzed over Iran. By Jim Lobe// Asia Times. — Hon-Kong, 2003. — August, 9.

¹³ Тер-Оганов Н.К. Запад ужесточает свою позицию в отношении Ирана// Институт Ближнего Востока. — По URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/30-06-08.htm>

¹⁴ В 1974 г. в восстании принимали участие более 55 тысяч белуджей, даже шах Ирана, будучи обеспокоенным сепаратизмом белуджей, выслал в Пакистан несколько вертолетов. — Encyclopaedia Iranica, Baluchistan/History: Modern period. — По URL: <http://www.iranica.com/newsite/>

тов¹⁵, намерения военных расквартировать в провинции новые воинские части, в том числе — иностранные. Четыре основные националистические партии Белуджистана сплотились в Союз белуджей (Балуч иттехад) и выдвинули программу решения этих проблем. Одновременно белуджи развернули и вооруженное сопротивление федеральным силам. В 2004 г. племенем марри была возрождена Армия освобождения Белуджистана (АОБ) — организация, которая вела вооруженную борьбу против центральных властей еще в 1973–1977 гг.¹⁶ Вскоре к ней присоединились члены племен бугти и менгал. Численность АОБ оценивается в 10 тыс. человек. При этом подготовка диверсантов осуществляется в 40–60 тренировочных лагерях, расположенных в основном в районах Кохлу, Дера Бугти и Кеч-Гвадар (согласно пакистанским источникам, в лагерях белуджских повстанцев тренируются и иностранные наемники, в том числе узбеки и уйгуры).

Этническая вооруженная группировка белуджей «Джундуллах», действующая на стыке границ Ирана с Афганистаном и Пакистаном, отличается межгосударственным характером своей активности¹⁷. Первые упоминания о «Джундуллахе» относятся к 2003 г. Лидером является человек, называющий себя Абдулмаликом Риги, он, по некоторым сведениям, был активным участником движения «Талибан». Одно время о «Джундуллахе» говорили почти крайне в связи с трафиком афганского героина через территорию Ирана, в последние годы ее участники берут на себя ответственность за теракты¹⁸.

Создание белуджского государства на первый взгляд представляется нереальным. Создание новой этнополитической единицы в настоящее время не отвечает на-

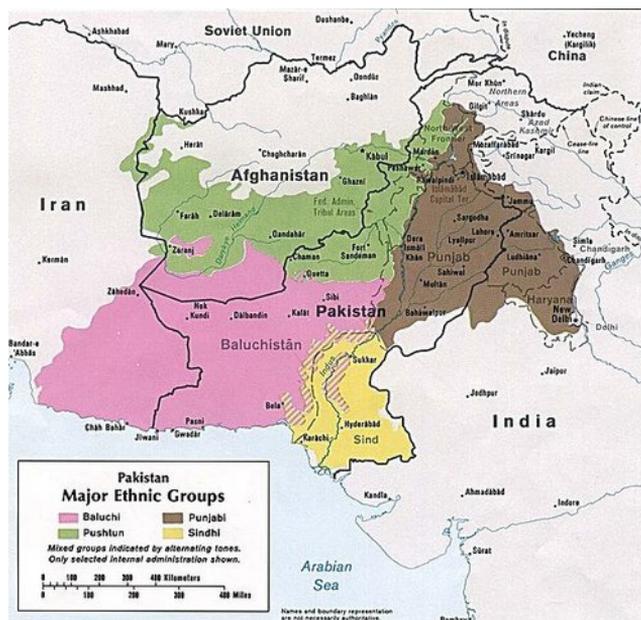
¹⁵ Таковым является порт Гвадар, который фактически прикрывает вход в Ормузский пролив. Гвадар является узлом в войне двух трубопроводов — Иран-Пакистан-Индия и гипотетического Трансафганского проекта. Для США было бы идеальным превращение Гвадара в новый Дубай, тогда как для КНР он важен как порт, в том числе — военного назначения, о чем существуют договоренности с пакистанской стороной. КНР готовится использовать ВМФ для обеспечения безопасности поставок углеводородов. С этой же целью КНР строит военно-морскую базу в Мьянме, развивает военно-политическое сотрудничество с Сингапуром и Таиландом. — Chatham House (Ruyal Institute of International Affairs). — По URL: www.chathamhouse.org.uk, US National War College.

¹⁶ АОБ в 2006 г. ОАБ была объявлена террористической организацией пакистанским и британским правительствами (по этому поводу см.: Ben Hayes. Never Mind The Baluch. Red Pepper, June 2007. Transnational Institute (TNI). — По URL: <http://www.tni.org/index.phtml?&lang=en>). О другой ее активности мало известно, существует приписываемый ей англоязычный Интернет-сайт Balochwarna (<http://www.balochwarna.com/>). В апреле 2006 г. Управление телекоммуникаций Пакистана (Pakistan Telecommunication Authority) под предлогом распространения не соответствующей действительности информации заблокировало доступ из Пакистана к четырем белуджским националистическим интернет-сайтам: www.balochvoice.com, www.baloch2000.org, www.balochfront.com, www.sanabaloch.com.

¹⁷ «Джундуллах» осуществляет свою деятельность по обе стороны от границы между Ираном и Пакистаном. ЦРУ отвергает наличие каких-либо прямых связей с этой группой, но источники ABC News утверждают, например, что офицеры разведки США часто консультируют лидеров «Джундуллаха».

¹⁸ Главной целью боевиков «Джундуллах» являются иранские военнослужащие, которых похищают в ходе неглубоких рейдов на территорию Ирана, а затем казнят в Пакистане. «Джундуллах» взяла на себя ответственность за взрыв в феврале 2007 г. вблизи иранского города Захедан (столица провинции Систан и Белуджистан), в результате чего погибли, по меньшей мере, 11 военнослужащих КСИР. После этого теракта радио «Голос Америки» передало в одной из программ на персидском языке обращение Абдулмалика Риги, которого представило как лидера национально-государственного движения сопротивления. Факт, что правительственная радиостанция США предоставила ему эфир, может косвенно свидетельствовать об особом отношении к организации.

циональным интересам ни одной из стран региона. Создать независимый Белуджистан можно только объединив все белуджоязычные территории, а это значит, что Иран потеряет не просто провинцию, но и свое влияние в Персидском заливе, Пакистан лишится почти что половины своей территории. Гипотетический Белуджистан будет конкурировать с Ираном в праве контроля над столь важным для Ирана Ормузским проливом, а если добавить к этому наличие десятков тысяч белуджей в странах Персидского залива, то очевидно, что хаотизируется весь геополитический баланс не только на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и на Кавказе.

Касаясь же (в данном случае применительно к белуджам) вопроса о праве этносов на самоопределение, можно согласиться с мнением, что «этнические единицы, не имеющие собственной государственности, в том случае, когда они живут в составе государственного образования близкородственного народа, либо в случае, когда их этническая территория граничит с подобным образованием, с целью осуществления национальных идеалов должны быть так или иначе вовлечены в орбиту общего развития данного народа. Подобный подход, понятно, ни в коей мере не означает отрицания местных национальных единиц. Наоборот, чем богаче и разнообразнее этническая мозаика народа, тем целостнее и стройнее его национальный облик. В конце концов, это целесообразно и с точки зрения перспективности национального развития: ведь, по объективным причинам, не всем этническим единицам и народностям суждено стать государственными народами»¹⁹.

Другое дело, что переформатирование государственно-территориальной структуры мирового сообщества планируется и осуществляется атлантическим сообществом в собственных интересах в пространстве глобальной конкуренции. Да и после балканских войн 1991–2001 гг., что было уже отмечено А.Д. Багатуровым, ясно, что под руководством США западные страны фактически ничем не ограничены в международном поведении, кроме собственных принципов и доброй воли толковать таковые в зависимости от специфики текущих интересов²⁰.

Этот вывод относится не только к идее «Великого Белуджистана»...

¹⁹ Асатрян Г.С. Этюды по иранской этнологии. — Ереван, 1998. — С. 11-12.

²⁰ Багатуров А.Д. Лидерство и децентрализация в международной системе // Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики. — М., сентябрь-декабрь 2006. — Том 4, № 3 (12).

Рустам Махмудов

Иран и Запад в борьбе за грузовые и газовые потоки из Центральной Азии

Вопросы геополитики Центральной Азии в сфере транспортных коммуникаций и энергетического экспорта традиционно рассматриваются сквозь призму соперничества США-ЕС с Россией и Китаем. При этом тема иранского участия в этой большой геополитической и геоэкономической игре не является столь популярной, хотя по ряду направлений Иран выступает серьезным оппонентом западных держав.

Тегеран сегодня представляет собой для Центральной Азии в условиях, продолжающегося конфликта в Афганистане, фактически, «ворота на юг» и, исходя из этого, он строит в значительной мере свою геополитику в регионе.

Начиная с момента обретения странами ЦА независимости, Тегеран проводит последовательную политику по налаживанию с ними конструктивных отношений. По сути, сегодня можно сказать, что Иран стал серьезным фактором, оказывающим влияние на целый ряд политико-экономических процессов в Центральной Азии.

В то же время, необходимо отметить, что иранская политика в регионе развивается в довольно сложных условиях, принимая во внимание тот факт, что Центральная Азия давно и прочно превратилась в зону пересечения геополитических и геоэкономических интересов сразу нескольких крупнейших акторов мировой политики. В число этих акторов входят также США, НАТО и ЕС, которые имеют сложную историю взаимоотношений с Ираном.

Все это, конечно же, оказывает прямое влияние на стратегию Тегерана, который вынужден участвовать в разворачивающейся конкурентной борьбе за позиции в Центральной Азии. Зачастую соперничество не афишируется, или даже опровергается большинством акторов, но от этого оно никуда не исчезает.

Геополитика как движущий фактор стратегии ИРИ и США в ЦА

Для Ирана Центральная Азия не может не представлять интерес, в первую очередь, в силу географической близости. Это огромный регион площадью в 3,994

млн кв. км, с одной стороны, граничащий с Ираном со стороны Хорасана и Каспийского моря, а с другой, с Россией, Южным Кавказом, Китаем, Афганистаном, Пакистаном. Население ЦА превышает 60 млн человек, при этом региональные страны обладают мощной сырьевой базой, промышленным и кадровым потенциалом.

Распад Советского Союза дал Ирану шанс вновь выйти на это перспективное политико-экономическое поле, доступ на которое для него был ограничен в течение нескольких десятилетий XX века.

Тегеран для продвижения своих позиций стал активно использовать три инструмента — экономический, религиозный и этнокультурный. При этом цели геополитического характера не выдвигались на первый план, однако, по мере активизации на центральноазиатском поле других внешних игроков, в первую очередь США, они стали все больше проглядываться в иранской политике.

Геополитический аспект, на наш взгляд, во многом стал превалировать после того, как США и НАТО ввели свои воинские контингенты в Афганистан для борьбы с движением «Талибан» и «Аль-Каидой», что фактически стало означать выход Пентагона к восточным границам ИРИ и расширение зоны окружения Ирана. Необходимо отметить, что к настоящему времени базы США и НАТО уже находятся в Персидском заливе, Индийском океане, Ираке и Турции, а также в Кыргызстане.

Учитывая это, жизненно важное значение для Тегерана стал приобретать вопрос недопущения появления подобных баз в приграничных с ИРИ регионах Центральной Азии и Южного Кавказа и их использования для раскачивания внутривосточной политической ситуации. На данный счет у иранской политической элиты есть опасения, поскольку во многих событиях, связанных с попытками дестабилизации ситуации в азербайджанских, курдских, белуджских и арабских районах страны, она видит руку Вашингтона и Лондона.

Чтобы минимизировать риски и усилить свои позиции Иран в превентивном порядке реализует активную политику, включающую, в том числе создание мощного экономического базиса сотрудничества со странами Центральной Азии.

В свою очередь для США Центральная Азия представляет важнейший с позиции геополитики регион. Это, безусловно, выгодный плацдарм, который дает выход на Афганистан, где Вашингтон и его союзники уже десятый год ведут войну против движения «Талибан».

Кроме того, ЦА и Афганистан дают выход на болевые и геополитические важные точки Китая (СУАР) и России (Урало-Сибирское геополитическое ядро), Ирана (проблема экстремизма в Белуджистане) и Пакистана (Пуштунистан и Белуджистан). Соединенные Штаты, будучи внерегиональной силой, уже десятилетие определяют ряд ключевых трендов в регионе благодаря наличию в Афганистане серьезной военной группировки НАТО, численностью более 100 тысяч человек.

В евразийской геополитике США Центральная Азия — это также регион, обладающий огромными запасами углеводородного и минерального сырья, и имеющего выгодное транспортное положение. Отсюда Вашингтон и стремится занять пози-

Тегеран для продвижения своих позиций стал активно использовать три инструмента — экономический, религиозный и этнокультурный

цию ведущего актора, которая даст ему возможность определять политико-экономический климат и пути развития ситуации во многих регионах Евразии, включая транспортную и энергетическую сферу.

Между тем, принимая во внимание, что США все же являются внерегиональной и внеконтинентальной силой, они, следовательно, не могут, как Иран использовать фактор непосредственной территориальной близости к Центральной Азии. Исходя из этого, США должны разрабатывать довольно сложные транзитные схемы и действовать в связке с другим союзным актором — ЕС, которому отводится вспомогательная и компенсаторная роль как рынка потребления энергоресурсов, грузоформирующего и грузопринимающего центра.

Соперничество в области транспортных коммуникаций

В настоящее время Иран входит в число ведущих торгово-экономических партнеров стран ЦА и в значительной степени, этому способствует совпадение интересов сторон в целом ряде секторов и в первую очередь в сфере транспортных коммуникаций.

Ирану важно реализовать свой транзитный потенциал в транспортной сфере, которая создает дополнительные рабочие места и повышает политико-экономический вес страны в регионе.

Что касается государств Центральной Азии, то диверсификация транспортных маршрутов представляла для них в последние два десятилетия одну из ключевых идей укрепления своей политической независимости. Высокая зависимость от российских коммуникаций (железные и автомобильные дороги, трубопроводы) не устраивала ключевые экономики ЦА, как в плане наличия определенных экономических рисков, так и по соображениям геополитического характера. В этой связи южное транспортное направление через Иран рассматривалось как перспективная альтернатива.

Первым прорывным проектом стала железная дорога «Теджен-Серахс-Мешхед», благодаря которой страны ЦА получили доступ к Турции и портам Персидского залива, а через них к рынкам Ближнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии.

В последние годы ИРИ делает многое для развития и повышения качества своей транспортной инфраструктуры

В 2011 году началось строительство железной дороги «Казахстан-Туркменистан-Иран», которая должна положительно сказаться на развитии туркменских и казахских прикаспийских регионов, и стать транзитным узлом, связывающим Иран и Россию.

В последние годы ИРИ делает многое для развития и повышения качества своей транспортной инфраструктуры, создания новых маршрутов для повышения объемов прохождения транзитных грузов. Также многое делается в области развития свободных экономических зон, привязанных к этим коммуникациям.

Однако дальнейшее укрепление иранского влияния в транспортной и энергетической сфере Центральной Азии ставится под сомнение действиями его геополитических оппонентов — США в связке с Европейским Союзом, которые используют в противовес географическим преимуществам Ирана механизмы политико-экономического давления, а именно международные санкции.

Предположительно, в транспортной сфере эти санкции в обозримом будущем могут привести к повышению акций прозападных проектов, нацеленных на создание транспортно-геополитических коридоров для Центральной Азии через Каспийское море и Южный Кавказ в Европу.

Подобные проекты были изначально направлены против России с целью создания для центральноазиатских и южнокавказских государств обходящий российские коммуникации маршрут, но в свете последнего резкого обострения отношений между ИРИ и Западом они могут превратиться в довольно серьезного оппонента иранским железным и автомобильным дорогам. Речь идет о железной дороге «Баку-Тбилиси-Карс», которая должна быть сдана в эксплуатацию в конце 2012 года. По ней планируется перевозить от 10 до 25 млн тонн грузов. В случае если дорога будет достроена, то она станет частью более обширного проекта по соединению железных дорог Южного Кавказа, Турции и Европы.

То, что для Ирана дела могут обстоять не очень радужно, непосредственно указывают некоторые результаты негативного влияния санкций на иранскую транспортную отрасль.

В частности, крупнейший мировой линейный морской перевозчик «Maersk Line», владеющий 470 контейнерными судами и 1,9 млн контейнеров, заявил в начале июля 2011 года, что намерен соблюдать санкции США и ЕС, и прекращает все свои операции в иранских портах Бендер-Аббас, Бандар Хомейни и Асалуе.

Это тревожный звонок для ИРИ и в случае если подобные процессы будут усиливаться, то под вопрос может быть поставлена целесообразность использования центральноазиатскими поставщиками иранских портов в Персидском заливе для транзитных операций.

Борьба за центральноазиатский газ

На газовом поле США и ЕС, как и Иран, участвуют в борьбе за центральноазиатский природный газ и маршруты его транспортировки.

Иран в свой актив может записать уже два газопровода из Туркменистана. В 1997 году был построен газопровод «Корпедже — Курткуи» пропускной способностью 8 млрд. куб. метров в год, а в 2010 году был запущен второй газопровод «Довлетабад—Серахс—Хангеран», рассчитанный на поставки 12,5 млрд. куб. м газа в год. В данной сфере интересы сторон также совпали, так как Иран получил возможность решить проблему газоснабжения своих северных провинций.

Иран в свой актив может записать уже два газопровода из Туркменистана

Важность газопроводов с геополитической точки зрения видна по тому, как Тегеран относительно мягко отреагировал на прекращение Ашхабадом 1 января 2008 года поставок газа в Иран, якобы из-за технических неполадок, а в реальности, желая оказать давление по вопросу повышения цены. Для сравнения в 2001 году Иран едва не применил военную силу для выдворения азербайджанского судна с представителями «British Petroleum» из спорных территориальных вод на Каспии.

В свою очередь, Вашингтон и Брюссель, как известно, являются основными идеологическими спонсорами проектов «Набукко» и Транскаспийский газопровод,

которые направлены против России, но в то же время затрагивают и интересы Ирана, прежде всего, в сфере энергетического транзита.

Дело в том, что ИРИ могла бы выступить как транзитером газа из Центральной Азии, так и его поставщиком, учитывая гигантские собственные запасы, на европейские рынки. Однако Тегеран не может этого сделать, так как США выступают категорически против. В настоящее время на фоне санкций, шансы Ирана стать транзитной страной на пути поставок природного газа из Туркменистана на европейский рынок весьма невысоки, хотя, согласно МИД ИРИ, в апреле 2011 года Иран и Туркменистан подписали договор о транзите газа объемом до 20 млн кубометров в день.

То, что Иран мог бы стать транзитером по линии ЦА-ЕС, говорит рассматривавшийся в середине 90-х гг. прошлого века проект газопровода «Туркменистан-Иран-Турция». В 1997 году даже был подписан меморандум о его строительстве на правительственном уровне, но он так и не перешел к стадии практической реализации. Турция вновь проявила интерес к подписанному в 1997 году договору после того, как был в 2010 году введен в эксплуатацию газопровод «Довлетабад—Серахс—Хангеран».

Иран оказывает серьезное блокирующее влияние на попытки Запада создать южнокавказский коридор поставок газа из Центральной Азии

Между тем, Иран не является лишь объектом идущей в регионе энергетической игры. Напротив, он сам оказывает серьезное блокирующее влияние на попытки Запада создать южнокавказский коридор поставок газа из Центральной Азии.

Тегеран в частности блокирует все попытки построить по дну Каспия газопровод для поставок туркменского газа в Азербайджан, используя вопрос неурегулированности международного правового статуса Каспийского моря. ИРИ настаивает на своем варианте раздела моря, претендуя на его 20%, что препятствует юридическому оформлению морских секторов и границ между Ираном, Азербайджаном и Туркменистаном.

Более того, официальный Тегеран открыто высказывается против каких-либо попыток проложить газопровод между Туркменистаном и Азербайджаном в обход мнения всех пяти прикаспийских стран, и призывает не преувеличивать попытки других государств, таких как США, принять участие в принятии решений. Здесь Тегеран солидаризируется с позицией России.

Иран на поле закупок газа

Иран пытается играть и на поле закупок природного газа для сужения ресурсной базы проамериканских проектов газовых трубопроводов не только в ЦА, но и на Южном Кавказе. Как уже упоминалось, эти закупки призваны, прежде всего, решить проблемы с газоснабжением в северных регионах страны, однако, их геополитическое измерение нельзя не принимать во внимание.

Исламская республика в дополнение к наращиванию объемов закупок туркменского газа с недавних пор стала покупателем природного газа из Азербайджана, крупнейшее месторождение которого «Шах-Дениз» рассматривается как ресурсное для «Набукко». В настоящее время на иранский рынок из Азербайджана экспортируется 2 млн кубометров газа в сутки.

В январе 2010 г. ГНКАР и иранская Национальная газовая компания подписали соглашение об объемах будущих поставок газа в Иран, которые должны вырасти до 3–5 млн кубов газа в сутки. Тегеран готов в перспективе покупать у Азербайджана любые объемы газа по газопроводу «Гази-Магомед-Астара-Бинд-Бианд», пропускная способность которого составляет 10 млрд кубометров в год.

Эксперты указывают, что если Ирану и дальше удастся наращивать объемы закупок газа параллельно с наращиванием импорта азербайджанского газа Россией, то для США и ЕС не останется ресурсов в Азербайджане для наполнения «Набукко».

Более того, США и ЕС вообще могут потерять ресурсную базу в Центральной Азии, поскольку в дополнение к России и Ирану импортером центральноазиатского газа стал Китай, который в перспективе может превратиться в крупнейшего импортера углеводородного сырья из Туркменистана, Узбекистана и Казахстана.

Чем способны ответить США и ЕС для усиления своих конкурентных позиций в игре с Ираном на центральноазиатском энергетическом направлении? Как и в случае с транспортными коммуникациями, скорее всего, будет использован механизм международных санкций, особенно в банковско-финансовой сфере.

Да, Иран обладает географическим преимуществом, близостью своего рынка сбыта, удобными портами, но США и ЕС в противовес ему обладают неизмеримо более мощными политическими и финансовыми ресурсами, давление с использованием которых уже оказывают влияние на внешнеэкономическую активность ИРИ.

К примеру, Резервный банк Индии запретил расчеты за поставленную иранскую нефть через «Азиатский клиринговый союз», что стало реакцией на введение международных санкций против Ирана. В ответ Тегеран пригрозил приостановить поставки нефти до тех пор, пока Дели не выплатит задолженность в сумме 9 млрд долларов. Индия пыталась расплатиться через банковские системы России, Турции и ОАЭ, но они оказались неудачными.

Финансовое давление негативно отразилось на операциях «swap» с туркменской и казахской нефтью. С 2010 года иностранные компании отказались от этих сделок из-за применяемых в отношении Ирана международных санкций.

США и ЕС вообще могут потерять ресурсную базу в Центральной Азии

Выводы

Таким образом, геополитическое соперничество Ирана и США в транспортной сфере и энергетическом транзите и импорте из Центральной Азии вступает в новый этап, его катализатором выступают международные санкции, усиленные односторонними санкциями США, ЕС и рядом других государств против ИРИ. Безусловно, Иран в практическом смысле добился больших успехов, используя свои естественные преимущества и искусство своих дипломатов, однако сможет ли он удержать их и развить на фоне негативно складывающегося международно-го климата, покажет время. Вполне вероятно, что ситуация может кардинальным образом поменяться, изменив сложившийся баланс сил, если наблюдаемые экономические проблемы в США и ЕС не будут решены и перерастут в новую волну глобального финансово-экономического кризиса.

Филин Никита Александрович

Террористическая угроза в современном Иране

За последние годы Исламская Республика Иран (ИРИ) не раз подвергалась террористическим атакам. Началом интенсивной волны террора можно считать 2005 год, так как ранее в течение несколько лет наблюдалось практически полное отсутствие террористической угрозы. С 2005 террористическая активность в стране резко усилилась. При этом она сосредоточилась в нескольких регионах страны: провинции Хузестан (на границе с Ираком), провинции Систан и Белуджистан (на границе с Пакистаном), провинции Курдистан (на границе с Турцией) и Западный Азербайджан (на границе с Ираком и Турцией).

Угроза террористической опасности внутри страны была подчеркнута на состоявшейся 25–26 июня 2011 года в Тегеране конференции под названием «Глобальная борьба против терроризма». В ней приняли участие представители около 60 стран и ряда международных организаций, включая ООН. В итоговой декларации отмечалась важность усиления борьбы против терроризма.

Из минимум 80 террористических актов, произошедших в Иране с начала 2005 по июнь 2011, можно выделить 15 вооруженных нападений, восемь заказных убийств и одно покушение на убийство, 50 взрывов, минимум шесть случаев взятия людей в заложники и похищения человека с целью выкупа. Всего за шесть лет жертвами терактов в ИРИ стали минимум 378 человек, минимум 959 человек были ранены. Особенностью их осуществления является то, что при небольшом количестве инцидентов наблюдается значительное число жертв, причем с 2007 года идет постоянное увеличение убитых в результате насильственных действий террористических групп (Рис. 1).

Группы, которые совершали террористические акты на территории ИРИ в последние годы, до 2005 года никак не проявляли себя. Это оказались совершенно новые террористические организации, которые пришли на место Организации моджахедов иранского народа (ОМИН), группировки, прекратившей вооруженную борьбу

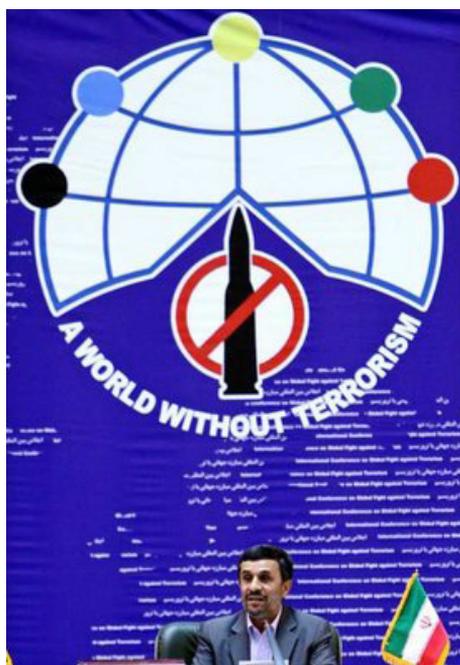
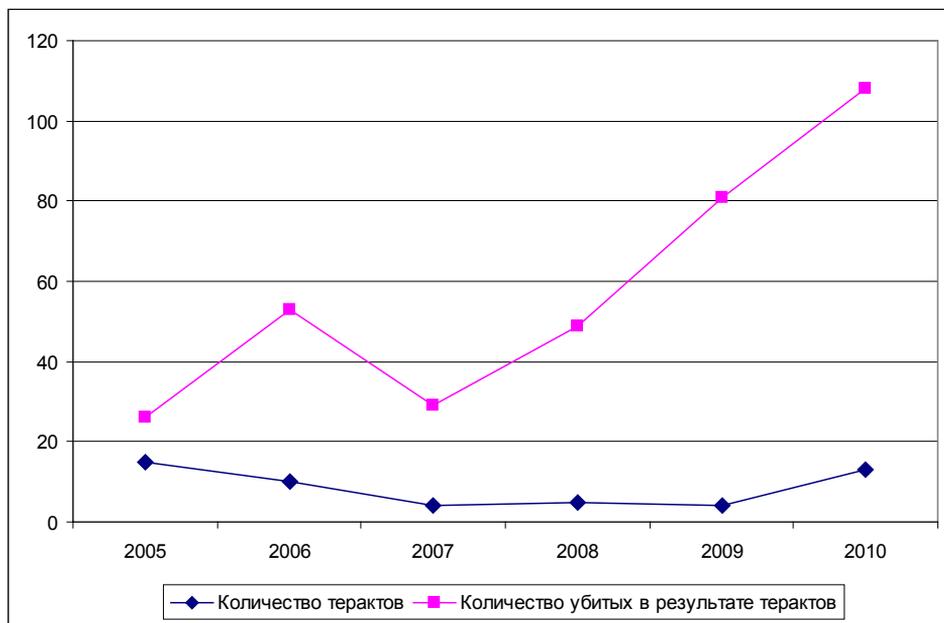

Рисунок 1

Количество терактов и количество убитых в результате терактов в ИРИ с 2005 по 2010 г. (без учета 2011 г.).

бу в 2003 году. Из них наибольшую активность проявили «Джунуд Аллах, можахеда ас-Сунна [Солдаты Аллаха, можахеда Сунны]» или «Джундалла» (Junud Allah Organization for the Sunni Mujahideen in Iran), Партия свободной жизни Курдистана (ПСЖК) (Party of Free Life of Kurdistan, Partiya Jiyana Azad a Kurdistanê [PJAK]), и Арабское движение борьбы за освобождение Ахваза (The Arab Struggle Movement for Liberating Ahvaz).

Одной из особенностей террористической активности в Иране за последние годы является ее этническая составляющая. Подавляющее большинство терактов произошло в тех провинциях страны, где проживают этнические меньшинства. Как видно из *Рис. 2*, наиболее взрывоопасной остается провинция Систан и Белуджистан. Начиная с 2007 года террористическая активность «Джундаллы» начала возрастать, что можно проследить не столько по количеству совершенных ее терактов, сколько по числу убитых от ее рук военнослужащих ИРИ и гражданского населения (*Рис. 3*). Преобладающей формой терактов «Джундаллы» были взрывы бомб и вооруженные нападения.

Другую динамику можно наблюдать в Курдистане и Западном Азербайджане, где действовала Партия свободной жизни Курдистана. После активизации деятельности в 2005 и 2006 годах она практически никак себя не проявляла в следующие три года, и только начиная с 2010 ее акции приобрели достаточно интенсивный характер (*Рис. 2*, *Рис. 3*). Наиболее распространенными формами террористических действий были вооруженные нападения на военнослужащих ИРИ.

Успешными можно назвать действия иранских вооруженных сил в Хузестане, где с 2007 был только один человек, убитый в результате теракта, хотя в 2005 и в 2006

Рисунок 2

Количество терактов в ИРИ с 2005 по июнь 2011 гг.,
распределенное по годам и провинциям

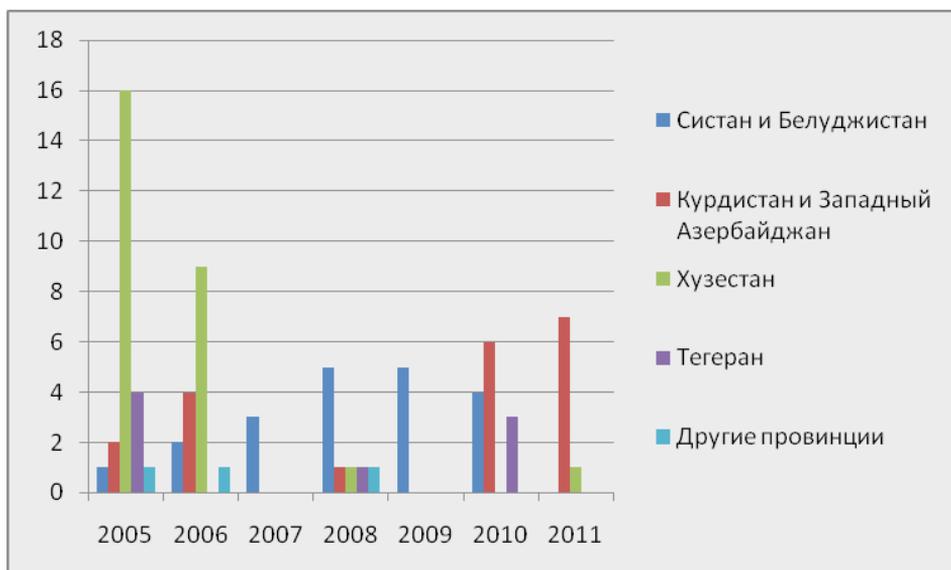
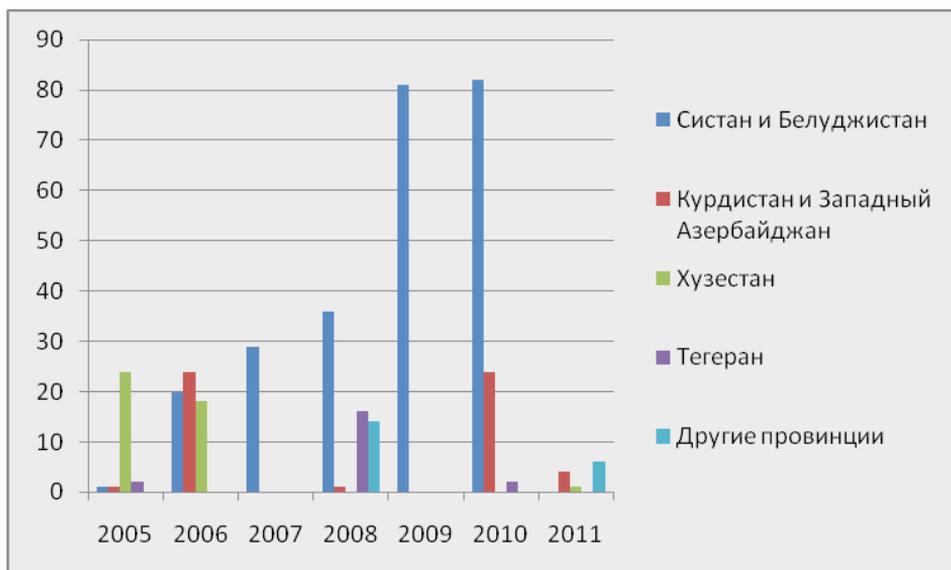

Рисунок 3

Количество убитых в результате терактов в ИРИ с 2005 по июнь 2011 гг.,
распределенное по годам и провинциям

годах действия террористов в этой провинции были очень интенсивными (*Рис 2, Рис. 3*). Преобладающей формой терактов были взрывы бомб.

Тегеран как город и как одноименная провинция оставался единственным регионом этнического большинства, где произошло более одного террористического акта. Преобладающей формой террористической активности были заказные убийства и покушения на убийство.

Иранские власти вели против террористов непрерывающуюся борьбу, достигнув определенных успехов. Так, 23 февраля 2010 года иранскими спецслужбами был арестован лидер «Джундаллы» Абдольмалек Риги. Он и его помощник воспользовались услугами авиакомпании «Кыргызстан», осуществляющей прямые рейсы из Дубая в Бишкек (билеты на этот рейс, по данным иранских СМИ, были приобретены ими на другое имя и по фальшивым документам). Они летели на самолете Boeing 737-300. Два истребителя иранских ВВС вынудили этот самолет приземлиться в городе Бендер Аббас, находящемся на юге Ирана. На борт самолета поднялись не менее четырех сотрудников иранских спецслужб в черных масках, которые вывели из самолета Риги и его помощника. В начале полета в самолете находились 119 пассажиров, но в Бишкек прилетело 117 человек.

Через несколько дней по иранскому телевидению была показана запись признания Риги, где он говорил о сотрудничестве с ЦРУ. 20 июня 2010 года смертный приговор Риги был приведен в исполнение.

В апреле 2010 силы безопасности ликвидировали террористическую группировку, связанную с религиозными экстремистами, которая планировала, по мнению спецслужб, совершить серию диверсий в провинции Курдистан и за ее пределами. У боевиков были изъяты документы, свидетельствующие об их принадлежности к религиозно-экстремистскому движению, а также значительное количество оружия и боеприпасов.

Сообщения об арестах или уничтожении боевиков террористических организаций поступали из Ирана достаточно часто. Например, в августе 2010 г. отряды Корпуса стражей Исламской революции (КСИР) ИРИ на северо-западе Ирана в ходе военной операции уничтожили 26 курдских боевиков, связанных с ПСЖК. Также в этом месяце на юго-востоке страны в провинции Систан и Белуджистан была обезврежена вооруженная группировка из четырех человек, связанная с «Джундаллой». В апреле 2011 в провинции Курдистан были задержаны восемь террористов. Были изъяты оружие и боеприпасы, а также огромное количество взрывчатки.

18 июля 2011 года отряды КСИР взяли под полный контроль лагерь ПСЖК, находящийся около границы с Ираком в провинции Западный Азербайджан. По имеющимся данным, это был самый большой лагерь данной террористической группировки.

В борьбе с терроризмом иранские вооруженные силы несли потери. Многие сотрудники вооруженных сил ИРИ были убиты и ранены в результате нападения террористов. Например, 15 июля 2010 года в результате двойного теракта-самоубийства в Большой мечети Захедана (столице провинции Систан и Белуджистан) погибло 27 человека, не менее 160 человек получили ранения. Среди погибших оказались как мирные жители, так и офицеры КСИР. 20 сентября 2010 года на юго-востоке страны в районе Носратабада северо-западнее Захедана в столкновениях с террористами были убиты четверо сотрудников спецслужб КСИР, в том числе, бригадный генерал Корпуса Мохаммад Сар-Гользаи.

В организации совершенных террористических актов официальный Тегеран часто обвинял спецслужбы США и Великобритании. Это утверждение до некоторой степени подтверждается независимыми источниками. Например, английская Индепендент в 2007 году писала о том, что спецназ Великобритании в то время действовал в юго-восточном Иране. А американская телекомпания ABC News 3 апреля 2007 сообщила, что с 2005 года американская разведка координировала действия группировки «Джундалла». Телекомпания утверждала, что США осуществляли финансирование «Джундаллы» из неподконтрольных президенту и Конгрессу США фондов. Деньги передавались лидеру группировки Абдулмалику Риги через иранских эмигрантов, имевших связи в странах Европы и Персидского залива. По мнению некоторых экспертов, в 2008 году администрации Джорджа Буша удалось добиться от Конгресса согласия на выделение 400 миллионов долларов для «Джундаллы» и других антииранских террористических групп.

Несмотря на усиление в последние годы террористической активности в ИРИ, ее доля в региональном контексте остается незначительной. Например, за первые три месяца 2011 года в Ираке от рук террористов погибло 414 человек, что превышает количество смертей от терактов в Иране за весь период с 2005 по июнь 2011. Конечно, влияние одного террористического акта на политическую ситуацию в определенной стране может быть в десятки раз сильнее, чем сотни терактов в другой. Это доказала деятельность ОМИН в начале 80-х годов прошлого века, когда в результате нескольких терактов от ее рук погибли десятки депутатов иранского парламента и членов правительства, председатель Верховного суда аятолла Мохаммеда Хусейна Бехешти, премьер-министр Мохаммед Бахонар и президент Али Раджаи. Однако нельзя сказать, что в Иране за последнее время были схожие случаи.

В целом, за последние шесть лет в ИРИ прослеживалось несколько тенденций.

Во-первых, в последние годы на территории ИРИ появилось значительное число новых этнических террористических организаций, которые успешно противостояли иранским вооруженным силам.

В-вторых, необходимо отметить разнообразие действий этих террористических групп, что проявлялось во взрывах, организации заказных убийств, во вооруженных нападениях и взятии заложников.

В-третьих, с 2005 по июнь 2011 при относительно небольшом количестве терактов наблюдалось значительное число жертв. Эти акции, как правило, были очень хорошо спланированы, что может указывать на помощь в их проведении спецслужб иностранных государств.

В-четвертых, за последние несколько лет каждый год наблюдается динамика увеличения числа убитых людей в результате террористических действий.

Все эти тенденции говорят о том, что в ближайшее время Ирану не удастся полностью избавиться от террористической угрозы. С другой стороны, можно отметить большое количество успешных акций иранских вооруженных сил против террористов. Динамика последних месяцев свидетельствует, что в СМИ появляется больше информации об удачных действиях КСИР в отношении террористических групп, чем о самих терактах. Данное обстоятельство внушает оптимизм относительно возможности иранских властей снизить террористическую угрозу внутри страны до минимума.

Игорь Панкратенко

Иранская кровь и подводные камни стратегии Дагана

Произраильское лобби жуть как любит ссылаться на неверно сделанный и широко растиражированный перевод выступления Махмуда Ахмадинежада, в котором он сказал, якобы, о том, что «Израиль должен быть стерт с карты мира». Профессор Хуан Коул и журналист Джонатан Стил справедливо указывали, что более точный перевод звучит так — «режим оккупации Иерусалима должен исчезнуть со страниц истории» или же близко к этому.

Во-вторых, Ахмадинежад цитировал аятоллу Хомейни. В-третьих, цитата была вырвана из контекста. Ахмадинежад в своем выступлении говорил о необратимом конце репрессивных и диктаторских режимов и приводил три примера такой необратимости. Первым он называл шахский режим в Иране. Вторым — режим Саддама Хусейна в Ираке. А третьим — сионистский режим Израиля, который оккупирует палестинские территории, включая Восточный Иерусалим, вот уже четыре десятилетия.

Но вот что немаловажно: эти слова были произнесены в 2005 году. А еще в 2003 году, накануне вторжения в Ирак, бывший израильский премьер-министр Шимон Перес в частной беседе (которая тут же стала достоянием медиа) с американским журналистом Уолтером Роджерсом сказал: «Мы рады, что ваша страна намеревается воевать с Ираком, однако мы бы предпочли, чтобы вы атаковали Иран»...

Ну да, слова политиков стоят порой меньше бумаги, на которой они написаны. Важнее дела. И вот здесь перед нами вырисовывается совсем уж занимательная картина, связанная с реализацией «стратегии Дагана» (Меир Даган возглавлял МОССАД с 2002 по 2010 год). Ключевые моменты этой стратегии он изложил в беседе с заместителем госсекретаря Уильямом Бернсом, который в дипломатической депеше передал так:

«А) Политический подход (Даган поддерживает инициативу по передаче иранского досье в Совет безопасности ООН, но говорит, что такой подход не сможет разрешить кризис).

В) Тайные меры (Даган и заместитель госсекретаря решили не обсуждать этот подход в широком кругу).

С) Противодействие распространению ядерного оружия (Даган подчеркивает необходимость помешать Ирану заполучить информацию и технологии. В этой области нужно двигаться дальше).

D) Санкции.

E) Силовое давление для смены режима (Даган говорит, что нужно развивать усилия, нацеленные на смену режима в Иране, причем, если это возможно, то с поддержкой противостоящих ему студенческих демократических движений и этнических групп азербайджанцев, курдов и белуджей).

В ходе различных дискуссий оппоненты достаточно часто говорят мне о том, что мои обвинения Дагана в агрессивности преувеличены, что Даган выступал последовательным противником нанесения открытого удара по Ирану. И я совершенно согласен с данным утверждением. Да, действительно, Меир Даган совершенно справедливо сомневался в эффективности превентивных ударов по ядерным объектам в Иране по типу нанесения бомбового удара по иракским объектам в Осираке (1981 год) и уничтожения сирийского реактора в Аль-Кибаре (2007 год). Но это означает лишь то, что в выработке стратегии противодействия иранской ядерной программе он сделал ставку на отработанную МОССАДом и его спецподразделениями за несколько десятилетий тактику «точечных ликвидаций». Причем, эта тактика была отработана настолько, что стала своего рода «визитной карточкой», почерком израильских спецслужб.

Собственно, в вопросе выработки стратегии противодействия иранской ядерной программе, Даган просто использовал классическую «стратегию непрямых действий». Но реализация любого плана требует огромной работы по информационному и аналитическому обеспечению. В данном случае необходимо было четко определить ключевые фигуры иранской ядерной программы и, что немаловажно, составить список приоритетов — кого убирать в первую очередь, кого во вторую, а кто может и вообще пока еще пожить. И здесь задачу облегчила информационная война, которую Израиль к 2002 году вел против Ирана качественно и от души, используя для этого все возможности израильского лобби не только в США, но и в странах Евросоюза.

Операция «Дельфин»

К началу 2000-х общеевропейская настороженность в отношении иранской ядерной программы если и не приняла еще характер сегодняшней истерии, то как минимум уже присутствовала. Более того, оперативная работа в этом направлении разведками основных участников Евросоюза рассматривалась в качестве одного из приоритетов. Нужно просто вспомнить это время, когда медиа терроризировали общественность тезисом об оружии массового поражения Саддама Хусейна, мусульманском экстремизме и прочей аль-каеде. Даже российский автор культового «Анти-Киллера» Даниил Корецкий (не путать с Гошей Куценко, Корецкий с волосами) откликнулся парой крутых боевиков, в которых ужасные исламские террористы и коварные сотрудники иракских спецслужб стремились заполучить ОМП со злокозненными целями. Общественное настроение выглядело уже тогда примерно следующим образом — каждый порядочный европеец должен помочь Израилу в борьбе с «мусульманским атомом», иначе — мы все умрем...

Самыми «порядочными» оказались сотрудники немецкой BND, которые сделали МОССАДу счастье в виде воистину царского подарка. К 2002 году BND удалось завербовать иранского бизнесмена, фирма которого выполняла ряд правительственных заказов по строительству обогатительного завода в Натанзе. По роду своих занятий «Дельфин» имел достаточно ограниченный доступ к информации об иранской ядерной программе и сообщал оперативникам Пуллаха исключительно технические детали. Но включившиеся в операцию, по приглашению немецких коллег, оперативни-

ки МОССАДа настояли на том, чтобы агент был переориентирован на установление персональных данных ключевых лиц программы. Для «Дельфина» это задание было откровенно самоубийственным, максимум, который он мог проработать не будучи засвеченным иранской контрразведкой, составлял год. Оперативников МОССАДа судьба агента не интересовала нисколько, слишком важен был результат. «Дельфину» пообещали стандартный набор — гражданство одной из европейских стран, деньги, защиту и пластическую операцию. На одной из встреч ему, в целях стимулирования, был даже показан оформленный британский паспорт, который он получит по итогам операции. Разумеется, «Дельфин» не мог предполагать, что это был паспорт из тех, которые агенты МОССАДа воруют у граждан Великобритании.

Как и предполагалось расчетчиками операции, уже к концу 2003 «Дельфин» был взят в разработку иранской контрразведкой. Перед МОССАДом встал вопрос, что делать с ним дальше? Свой ресурс он выработал, а вытаскивать его было достаточно рискованно и затратно. И тогда возник изящный план, реализация которого сулила немалые выгоды на много лет вперед. По официальной версии МОССАДа, «Дельфин», несгибаемый борец за мир во всем мире и непримиримый противник «кровавой муллократии» был заживо репрессирован «палачами» VEVAK, но перед смертью сумел отправить любимую жену в Турцию, вручив ей самое дорогое, что было в его жизни — ноутбук, в котором содержались исчерпывающие доказательства того («тысячи документов» — как пишут медиа), что Иран приступил к разработке ядерного оружия, которое будет использовано против всего прогрессивного человечества, но в первую очередь — против израильской его части. С оригинальным содержанием этого ноутбука не знаком никто, кроме оперативников МОССАДа и специалистов отдела 8200 военной разведки «АМАН», но данные из него регулярно поступают экспертам МАГАТЭ в качестве «неопровержимых доказательств из самых достоверных источников».

Загадка генерала Асгари

Что бы ни утверждали о результативности «Дельфина», но совершенно очевидно, что предоставленные им данные об иранской ядерной программе носили весьма ограниченный характер. Не так уж много мог сообщить руководитель инжиниринговой фирмы. Совершенно необходим был носитель государственных секретов иного уровня, кто-то из высшего руководства страны. Но выход на такого человека для любой разведки сопряжен с немалыми сложностями, а уж его прямая вербовка в условиях современного Ирана более чем проблематична. Как представляется, в МОССАДе достаточно долго отбирали следующий объект для оперативной игры. Выбор пал на генерала Али Резу Асгари.

В 1997 году он стал членом правительства президента-реформатора Мохаммеда Хатами, заняв пост заместителя министра обороны, на котором курировал вопросы сотрудничества с Сирией и движением Хезболлах. Также через него шла информация об атомном проекте Сирии в Аль-Кибаре. Разумеется, что он имел допуск и к информации об иранской ядерной программе, так как входил в число лиц, отвечающих за ее реализацию в министерстве обороны Исламской республики.

Ряд западных источников утверждают, что он был завербован МОССАДом еще в 2003 году. Якобы, во время его командировки в Ливан, к нему подошел израильтянин, представившийся сотрудником ЦРУ США и сказал буквально следующее: «После Ирака Иран является следующим в нашем списке. Займитесь вашим будущим, если вы не хотите закончить, как Саддам». Версия представляется более чем натянутой. К этому времени положение Асгари в Иране было достаточно прочным, ему покровительство-

вал сам тогдашний президент Ирана Моххамад Хатами. Да и большинству людей его уровня было понятно, что, после вторжения в Ирак, США долго будет не до Ирана.

Но в 2005 году положение Али Резы Асгари изменилось. После избрания президентом ИРИ Махмуда Ахмадинежада, в министерстве обороны начинается проверка по поводу использования сумм, которые выделялись на поддержку союзников Ирана в Ливане и других странах Ближнего Востока, то есть — в вотчине Асгари. Ему было предъявлено обвинение в нецелевом расходовании средств, нарушении ряда правил ведения финансовых операций и в служебной халатности. К ответственности его привлекать не стали. Как сообщили некоторые мои источники — чтобы дело не выглядело политически ангажированным, дескать Ахмадинежад зачищает сторонников бывшего президента. Но уйти в отставку Асгари все же пришлось.

Сняв погоны, 63-летний Али Реза с головой ушел в бизнес, занявшись импортом оливок. В этом качестве он регулярно посещал Дамаск и Бейрут. И вот здесь версия МОССАД начинает играть. Вполне возможно, что именно в это время к генералу был сделан вербовочный подход, и именно израильянином, представившимся сотрудником ЦРУ.

7 декабря 2006 года Али Реза Асгари прилетел из Дамаска в Стамбул, разместился в отеле, вышел на улицу — и больше его никто и никогда не видел...

26 декабря по факту исчезновения Асгари Иран обратился в Интерпол, а до этого времени Национальная разведывательная организация Турции (МИТ), полиция и сотрудники иранского посольства буквально «рыли землю» в поисках исчезнувшего экс-заместителя министра обороны ИРИ. Попутно выясняется, что неизвестные забронировали на имя Асгари еще несколько номеров в разных отелях Стамбула.

15 марта турецкий телеканал сообщил, что «МИТ нашла Асгари, который в декабре исчез в Стамбуле. Он находится за рубежом, однако страна его нахождения в интересах безопасности не называется. Экс-генерал находится под наблюдением, проблем со здоровьем у него нет. Турецкие спецслужбы пытаются установить точные причины его исчезновения».

Практически сразу была выдвинута версия о том, что Асгари был похищен. В качестве организаторов назывались ЦРУ и МОССАД. Собственно, обсуждением версий все и ограничилось, и о деле исчезнувшего Асгари стали забывать все, кроме его семьи, переехавшей после исчезновения генерала из Дамаска в Иран. И, разумеется, иранских спецслужб, не прекращавших поиск ни на один день.

Это усердие в оперативно-поисковой деятельности подстегивалось одним обстоятельством — утром 6 сентября 2007 года восемь израильских тактических истребителей F-15 поднялись с базы Рамат-Давид и взяли курс на север. Пролетев над Средиземным морем, они развернулись на юго-восток и вторглись в воздушное пространство Сирии. Еще через семь минут израильяне с 50-километрового расстояния выпустили 22 ракеты по трем целям в глубине сирийской территории. Свою задачу они выполнили: авиаудар полностью разрушил сирийский ядерный комплекс в Эль-Кибаре, включая газографитный реактор. На совместном сирийско-иранском проекте (финансировавшийся, кстати, в основном Ираном) был поставлен жирный полумесяц. На проекте, развитие которого проходило по контролю замминистра обороны ИРИ, генерала Али Резы Асгари.

В марте 2009 года о подробностях этой операции Израила и роли в ней генерала Асгари рассказал доктор Ганс Рюле, бывший высокопоставленный чиновник минобороны ФРГ и НАТО. По его сведениям, «ошеломившую американцев информацию о

секретной ядерной программе Сирии и участия в ней Ирана передал ЦРУ отставной генерал Асгари». Рюле утверждал, что в феврале 2007 года «Асгари бежал в США и с тех пор живет там». «Асгари рассказал, что строительство объекта в Эль-Кибаре началось еще в 2002 году, но никто в ЦРУ даже не слышал об этом. Американцы тут же передали информацию израильянам, которые тоже ни о чем не подозревали» — заявил Рюле. В западных медиа тут же появилась информация о том, что «Асгари выбрал свободу», что он согласился сотрудничать с США в обмен на гарантии безопасности для его семьи, что сейчас он проживает под охраной на одной из военных баз в США. Как можно гарантировать безопасность семьи, проживающей в Иране — совершенно не понятно, но это медиа не останавливало.

Большинство версий, выдвинутых по поводу «загадки Асгари» на Западе, имеют целый ряд нестыковок, провалов во времени, объекте и мотивации. В ходе изучения этого дела и анализа доступных источников, у меня сформировалась собственная. После отставки, в период поездок Асгари к нему действительно совершили вербовочный подход израильяне. И представлялись они действительно сотрудниками ЦРУ, потому как на контакт с МОССАДом генерал бы не пошел. Речь не шла о выдаче военных секретов, разговор, вероятнее всего вертелся вокруг планов по организации оппозиции Ахмадинежаду. На это генерал и «повелся». А дальше — чисто техническая задача: под предлогом важных переговоров Асгари выманили в Стамбул, где генерал был «упакован» оперативниками МОССАДа и вывезен на территорию Израиля. Где его и «сдоили» по-полной, получив всю информацию, которая хранилась в его голове как по сирийской, так и по иранской ядерной программе.

Именно на основании полученной у Асгари информации, Меир Даган и отдал приказ о начале реализации стратегии имени себя.

Кровь на улицах Тегерана

К реализации «стратегии Дагана» в части точечных ликвидаций приступило, судя по ряду косвенных доказательств, спецподразделение «Кидон» («Штык» или «Копье»). И началась кровавая карусель...

С февраля 2006 года по март 2007 года, при схожих обстоятельствах потерпели крушение три самолета, принадлежавших Корпусу стражей исламской революции (КСИР). На борту каждого из этих самолетов находились люди, имеющие отношение к иранской ядерной программе. В одной из этих катастроф погиб и генерал Ахмад Каземи, командующий наземными силами КСИР. Вместе с ним погибли и двенадцать членов его штаба. 20 июня 2007 года в ходе вынужденной посадки Ту-134 погибли пятеро российских ученых, работавших на атомной электростанции в Бушере. В этом же году при загадочных обстоятельствах на объекте в Исфахане погибает еще один иранский специалист — Ардешир Хуссейн.

В июне 2009 году происходит загадочное исчезновение молодого физика Шахрама Амири во время паломнической поездки в Саудовскую Аравию.

Новый виток террора в отношении иранских ядерщиков происходит в 2010 году. В январе 2010 года в результате теракта погибает специалист по нейтронной физике Масуд Али Мохаммади.

Летом этого же года в посольстве Пакистана в Вашингтоне пришел исчезнувший Шахрам Амири и заявил, что все это время его насильно удерживали представители американских спецслужб.

12 октября 2010 года в результате тройного взрыва была разрушена база Имам Али на западе Ирана, обширный комплекс подземных галерей, в которых находились пусковые установки ракет Шахаб-3.

В ноябре того же года в результате взрывов в Тегеране погиб ядерщик Маджид Шахриани, а его коллега доктор Ферейдун Давани-Аббаси (Fereidoun Davani-Abbasi) и жены обоих ученых получили ранения. По данным иранских СМИ, в обоих случаях взрывные устройства в автомобиле ученых бросили неизвестные мотоциклисты.

Но главным событием года, безусловно, становится вирусная атака на компьютерную сеть иранских атомных объектов. В июне 2010 года вирусом “Stuxnet” были заражены тысячи серверов иранской ядерной программы. Только на заводе в Натанзе вирус нейтрализовал работу тысячи центрифуг, резко сократив скорость их вращения. В отношении родителей «Stuxnet’a» было высказано масса версий, в причастности к его созданию обвиняли и Германию и даже Россию (подозреваю, что «российский след» был плодом мозгового выверта российских «ура-патриотов», которые таким вот странным образом пытались поднять рейтинг российских достижений в сфере программирования. А затем их бред с удовольствием подхватили и на Западе, ведь все беды — от России, это давно известно).

Ряд достаточно авторитетных источников сообщают, что МОССАД и отдел 8200 израильской военной разведки «АМАН» создали минимум с дюжину подставных компаний, специализирующихся на поставке компьютерного оборудования двойного использования (гражданского и военного) в ряд «недружественных» Израилю государств. Излишне говорить, что продаваемое такими фирмами оборудование снабжено «секретной начинкой», которая облегчает проникновение в него извне. Видимо, что-то из такого «нафаршированного» оборудование в ходе многоходовой комбинации удалось внедрить и на иранские ядерные объекты.

Успешность реализации МОССАДом «стратегии Дагана» скромно отметил и сам ее автор, когда представлял Кнессету перед выходом в отставку результаты своей деятельности. «Иран не сможет получить атомную бомбу раньше 2015 года», — заявил он израильским депутатам в январе 2011 года. Впрочем, такое заявление в корне противоречило «единственно правильной политической линии» израильской политики, убеждающей мировое сообщество в том, что ядерный Апокалипсис из Ирана придет буквально на днях, а потому его постарались максимально замолчать.

Дагана сменил Тамир Прадо, но смена руководства не означала смены курса.

23 июля 2011 иранский 46-летний доктор физики Дариуш Разаи, член комиссии по ядерной энергии и преподаватель в Тегеранском университете был убит в дверях своего дома на востоке Тегерана. Его с близкого расстояния застрелили убийцы, передвигавшиеся на мотоциклах. Вместе с ученым из дома вышла его супруга. Она была ранена и госпитализирована. «Речь идет о первой операции, которой руководил новый глава Моссад, Тамир Пардо», — сообщил израильский источник немецкого журнала “Der Spiegel”.

12 ноября, был взорван склад баллистических ракет в двадцати километрах от Тегерана. Среди погибших в результате взрыва был генерал Хасан Мокадам, которого СМИ называли «отцом иранской ракетной программы».

Наступивший год уже успел отметиться в этом мартирологе. Утром 12 января, в результате теракта в Тегеране погиб Мустафа Ахмади Ровшан, 32-летний ученый, заместитель генерального директора обогатительного завода в Натанзе.

Провал крыши

Но в столь успешном для МОССАДа 2010 году, произошли событие, которое, как оказалось позже, поставило один из элементов «стратегии Дагана», о котором он «забыл» проинформировать Уильяма Бернса, под угрозу срыва. Этот «забытый элемент» включал в себя следующее — оперативники, организующие террористические акты и ликвидации на территории Ирана должны выдавать себя за сотрудников ЦРУ или других американских спецслужб.

В феврале 2010 иранская контрразведка захватила главу террористической организации «Джундалла» Абдулмалека Риги. «Людоода Риги», организация которого, «Джунд Аллах, можахеди ас-Сунна» (Солдаты Аллаха, моджахеды Сунны или просто «Джундалла») на фоне действующих в Иране террористических группировок выделялась запредельной жестокостью.

В августе 2007 года боевики организации в ходе налета похитили и угнали в Пакистан 21 водителя-дальнобойщика в Чабахаре (провинция Систан-Белуджистан).

В октябре 2009 года они осуществили подрыв административного здания в Захедане (все та же провинция Систан-Белуджистан), в результате которого погибли 40 человек (15 из которых были служащими КСИР), а еще около 100 получили ранения.

В июле 2010, мстя за казнь Риги, боевики «Джундаллы» организовали взрыв в мечети в том же многострадальном Захедане, в результате которого погибли 26 человек и было ранено около 300.

Но самое громкое преступление было совершено «Джундаллой» в декабре 2008 года. Тогда на ирано-пакистанской границе ими было захвачено 16 иранских пограничников. Когда иранское правительство отказалось выпустить в обмен на них 200 находившихся в заключении активистов «Джундаллы», все 16 были публично обезглавлены, а видео об этом было выставлено в интернет.

«Колотья» Абдулмалека Риги начал практически сразу, и в его показаниях прозвучал достаточно интересный момент. Всегда считалось, что «Джундалла» финансируется американцами. США неоднократно это отрицали. Более того, в разведслужбах США существовал категорический запрет на контакты с «Джундаллой», внесенной в американский список «террористических организаций». Разумеется, никто в это не верил, потому как захваченные активисты «Джундаллы» низового и среднего уровня до конца твердили о «контактах с сотрудниками ЦРУ». Так вот, рассказывая о своей встрече с курирующими его «сотрудниками ЦРУ» Риги сообщил, что у него возникли подозрения, что это никакие не американцы, а израильтяне.

Не менее интересные показания дал Маджид Джамали Фаши, чемпион Ирана по кикбоксингу, арестованный по подозрению в убийстве Масуда Али Мохаммади. Он прямо сообщил, что был завербован именно МОССАДом в 2008 году, что именно сотрудники МОССАДа в Азербайджане и Таиланде (куда он выезжал на соревнования) обучали его работе со взрывчаткой. Но в его показаниях прозвучало, что работавшие с ним «инструктора МОССАДа говорили, что то, что я намерен совершить (а Фаши «ориентировали» и на убийство Маджида Шахриари — И.П.), получит одобрение в США, что я смогу потом там продолжить свою профессиональную спортивную карьеру».

Эти и другие доказательства позволяют предположить, что еще одним элементом «стратегии Дагана», миролюбивого нашего Меира, было максимальное обострение отношений между США и Ираном.

Впрочем, «горячий» конфликт между США и Исламской республикой — это вообще розовая мечта части израильских политиков. Ну а о том, что для достижения такой высокой цели все средства хороши — даже и говорить как-то неприлично, банальность...

Но всему приходит конец. Даже терпению той части разведывательной, военной и политической элиты США, которая совершенно не понимает, с какой это радости Америка должна ввязаться в войну, развязываемую Израилем. Да еще в такой момент, когда всякий вооруженный конфликт нужен США как козе гармошка. Да еще и с совершенно непредсказуемыми для мировой экономики последствиями. И эти круги в США пошли на совершенно беспрецедентный в истории американо-израильских отношениях шаг. После последнего теракта в Тегеране они просто «слили» своего пакостного «стратегического партнера» Ирану и международной общественности. Опубликованная 13 января в «Foreign Policy» статья Марка Перри «Фальшивый флаг» («False Flag») стала поистине «пятницей 13-го». И не столько для руководства Израиля (видали они с высокой крыши любые разоблачения, готовые в любой момент пустить в ход самое эффективное свое оружие — обвинение в антисемитизме), сколько для произраильского лобби во всем мире.

Статья Марка Перри закрывает все неясности в вопросе о том, кто организует «точечный террор» в Иране. «Невозможно отрицать, что идет тайная, кровавая и непрестанная кампания, призванная остановить ядерную программу Ирана... Многие сообщения указывают на Израиль, как организатора этой тайной кампании, унесшей жизнь очередной жертвы», — пишет автор, опираясь на многочисленные свидетельства сотрудников американских спецслужб. Но особенно показательно мнение одного из офицеров разведки: «Просто поразительно, что израильцы, на их взгляд, могли себе позволять. Они занимались своей вербовкой почти в открытую. Судя по всему, им было наплевать, что мы об этом думаем»... И это именно так. Преследуя свои цели, Израиль откровенно плюет на мнение своего стратегического партнера, без поддержки которого просуществовал бы весьма недолго. Действуя подобным образом Израиль занимается откровенным втягиванием США в войну с Ираном, рассчитывая на крови американцев и иранцев сделать свой гешефт...

Израиль ведет необъявленную войну против Ирана. Войну, в которой основным оружием стал террор и психологическая война против иранского народа. При этом — они ведут ее предельно подло, цинично используя и откровенно подставляя своего союзника. А российские лоббисты израильских интересов с площадок российских медиа, под аплодисменты российской либеральствующей публики — обвиняют Иран в терроризме.

Вот что заявил вышедший в отставку высокопоставленный представитель системы безопасности Израиля в интервью американской газете The New York Times, комментируя убийство ученого-химика в Тегеране. «Я убежден, что коктейль из дипломатических усилий, санкций и тайных операций принесет свои плоды. Пока у нас еще есть время — это оптимальная стратегия».

Самое интересное, что даже публикация статьи Марка Перри, инициированная разведсообществом и антиизраильскими кругами США, ничуть не изменит содержания их выступлений. В полном соответствии с русской поговоркой — «им ... в глаза, а все Божья роса».

Антон Евстратов

Русские «богатыри» на службе у шаха Персии

Отношения России и Персии с самого своего начала изобиловали противоречиями, переменами политических курсов и загадками для сторонних наблюдателей. От противостояния и военных конфликтов они переходили к мирному сосуществованию, набеги чередовались с торговлей. Политика не раз определяла и меняла судьбы подданных обеих империй. Одна из таких перемен произошла с людьми, в общем готовыми к необычным сценариям и сюрпризам — казаками.

В преддверии очередной русско-персидской войны (1804—1813 гг.) вахмистр Самсон Яковлевич Макинцев, занимавший должность штаб-трубача нижегородского драгунского полка, перешел на службу к Фетх-Али, шаху Персии. В армии Фетх-Али-шаха Макинцев остался в офицерском звании, став «наибом» — поручиком. Служить новый офицер был отправлен в Ериванский пехотный полк. Это произошло в 1802 году. Данное событие могло быть рядовым — случаи перехода отдельных жителей приграничных поселений с территории одного государства на службу в другое не редки.

Однако именно в то время наследник персидского престола Аббас-Мирза вынашивал планы реформирования изрядно устаревших вооруженных сил империи. Принц заметил Макинцева, который подал ему идею формирования воинских частей из русских перебежчиков. Аббас-Мирза решил реализовать данный проект. «Русские — соседи и враги наши; рано или поздно война с ними неизбежна, а потому нам лучше ближе знакомиться с их боевым учением, чем с учением англичан», — говорил наследник. Здесь можно отметить недюжинную политическую проницательность принца, фактически, предсказавшего вскоре начавшийся конфликт с Россией.

Аббас-Мирза принимал всех иностранцев, изъявлявших готовность служить в персидской армии. Макинцев оказывал ему в этом деле всю возможную помощь. Наибу

удалось сформировать собственную часть, в которую вступили около 150 русских. На смотре Ериванского полка в 1808 году при дворе Аббас-Мирзы в Табризе «русская» часть настолько порадовала принца, что тот прямо на месте повысил ее организатора и командира в звании, сделав майором.

Русские солдаты, имевшие практику боевой подготовки и военных действий в составе императорской армии, оказались гораздо боеспособнее солдат шахской армии, практически не изменившейся за последние несколько десятилетий — со времен последнего великого завоевателя Востока Надир-шаха. Не раз те же войска российского императора демонстрировали полную непригодность шахских вооруженных сил к современной войне. В начавшемся в 1804 году русско-персидском противостоянии удача вновь оказалась не на стороне войска династии Каджаров. Немногочисленная и находившаяся на стадии формирования часть Макинцева не смогла оказать существенной помощи терпевшей поражение армии шаха.

В то же время, запросы русских волонтеров стали возрастать. Последние начали выражать недовольство командиром Ериванского полка сартибом (генерал-майором) Мамед-ханом. Русские солдаты требовали сместить неугодного военачальника, а вместо него поставить Макинцева.

Аббас-Мирза смог разрешить конфликт наилучшим, как с психологической, так и с военной точек зрения образом. Принц сформировал из русских добровольцев отдельный полк, который вначале включил в себя лишь один батальон. Командовать соединением было доверено Макинцеву, получившему чин серхенга — полковника. С того времени Самсона Яковлевича стали называть на персидский манер — Самсон-ханом. Аббас-Мирза, отметив исключительную боеспособность новой части, ввел ее в состав своей личной гвардии. Полк получил название «Багадеран», что означало «богатырский» и «гренадерский».

Вскоре принц решил увеличить численность столь боеспособного соединения. Теперь в состав полка стали вербовать не только русских перебежчиков, но и местных, персидских христиан — армян и несториан. Имелись среди бойцов новой части и поляки, имевшие свои причины ненавидеть российские власти. Офицерский корпус Багадерана составляли беглые русские офицеры, отпрыски закавказских дворянских родов — Соломон Ениколопов, Заал и Давид Сагиновы и другие. Большинство бойцов полка вначале оставалось в христианской вере. Интересно, что Макинцев даже старался побуждать своих бойцов к семейной жизни. Во многом именно поэтому Багадеран стоял в областях с преобладающим христианским населением — в Мараге, Салмесе и Урмии. Багадеранцы женились на местных армянках и несторианках, создавали семьи, у них рождались дети. Таким образом, Самсон-хан уделял немалое внимание социализации своих солдат. Кроме того, в христианских областях багадеранцы воспринимались местными жителями еще и как защитники этой религии, гаранты неприкосновенности населения в случае этноконфессиональных конфликтов.

Макинцев заботился и об образовании для детей солдат своего полка. Он приказывал отдавать их на учебу в армянские школы. После окончания последних одни выпускники зачислялись серхенгом на службу в Багадеран, а другие отдавались в подмастерья местным ремесленникам. Поведение и успехи учеников Самсон-хан контролировал лично.

Что касается личной жизни самого командира полка, то он, подавая пример своим бойцам, взял в жены местную уроженку — армянку, родом из деревни Кизилджа. Она родила Макинцеву трех дочерей. Жизнь этой женщины закончилась печально — она была убита мужем за неверность. Второй раз Самсон-хан женился на аристократке —

незаконной дочери грузинского царевича Александра, Елисавете. От нее он имел дочь Анны и сына Джебраила. Третья супруга Макинцева была по национальности халдейкой. Детей от этого брака не осталось.

Вскоре военные действия против России внесли коррективы в становление нового «богатырского» соединения шахского войска. В ночном сражении на переправе через реку Аракс в 1810 году войска императора Александра Первого перекололи штыками до 70 солдат Макинцева. Еще трое — поручик, адъютант и рядовой, попали в плен и вскоре были повешены с формулировкой «за измену вере и отечеству». В бою при Асландузе, состоявшемся 19–20 октября 1812 года также полегло немало «легионеров», а 28 их оказались пленены, после чего были также повешены. Кроме того, после этой битвы казачий урядник с 56 нижними чинами, ранее бежавшими к персам из Троицкого полка, явились в русский лагерь с раскаянием. Также известно, что несколько человек «покаялись» еще перед сражением.

Остатки Багадеранского полка, насчитывавшие к тому времени не менее 400 человек, были разгромлены при отступлении армии шаха из Аркевани, причем в российском плену оказались еще 52 перебежчика.

Судьба многих уцелевших бойцов также стала незавидной. Согласно условиям заключенного в 1813 году Гюлистанского мирного договора, они были выданы России.

Однако русский полк в составе персидской армии своего существования не прекратил. В 1817 году о нем писал один из членов дипломатической миссии Ермилова, отмечая, что багадеранцы были «народ все прекрасный, рослый, чистый и зрелый».

По своей структуре полк являлся типичным казачьим формированием. В отличие от состоявших из рекрутов регулярных частей русской армии, бойцам Багадерана разрешено было жениться и иметь семьи. Для этого создавались специальные поселения. Интересно, что постепенно солдат стали называть «Иенги-Мусульман» — «новые мусульмане», что косвенно свидетельствует об их «обновленной» религиозной идентичности.

В 1819 году стараниями секретаря российского посольства Александра Грибоедова 155 солдат Багадеранского полка, исповедовавших христианскую веру, были возвращены на Родину, однако остальные, являясь уже мусульманами, остались на службе у шаха.

В 1820–1821 гг. Багадеран принимал участие в войне Персии против Османской империи. Здесь полку удалось вновь отличиться. Благодаря успешным действиям русских добровольцев персам удалось одержать, в частности, важную победу при Топрак-кале.

В 1829 году численность багадеранцев составила 1400 человек. Часть превратилась в полк уже из двух батальонов. Что касается участия соединения в новой войне с Россией (1826–1828 гг.), то известно, что Макинцев, все еще командовавший полком, отказался от участия в ней, сославшись на старую клятву, данную им еще на Евангелии. Впрочем, Самсон-хану все же пришлось отправиться в зону боевых действий после того, как Аббас-Мирза пообещал ему оставить Багадеран в резерве. По неизвестным причинам это обещание оказалось нарушенным — багадеранцы принимали участие в осаде Шуши, в битве при Елизаветполе, а при Аштараке 17 августа 1827 года полк даже особо отличился. По воспоминаниям очевидцев, «богатыри» начинали рукопашные схватки с солдатами российского императора с вопроса «Ты с какой губернии?».

В 1832 году Аббас-Мирза включил в Багадеран в состав своей армии, направлявшейся к Герату — против афганцев. Однажды разбитые во время одной из вылазок афганцы укрылись в укрепленной цитадели Роузэ-гах. Брать твердыню поручили полку

Макинцева. У багадеранцев это получилось достаточно легко. Более того, они все-раз испугали афганцев своими высокими и разноцветными султанами на киверах. Осажденные запаниковали, приняв данные декоративные детали, столь распространенные в армии Российской империи, за ослиные хвосты. Впрочем, какого-либо решительного успеха поход против Герата персам не принес, и Аббас-Мирза принял решение двигаться обратно. Вскоре принц скончался, оставив Самсон-хана и его воинскую часть без могущественного покровителя. Спустя еще несколько месяцев смерть настигла и шаха Фетх-Али.

На престоле оказался сын Аббаса-Мирзы и внук Фетх-Али — Мохаммед-шах. Впрочем, у 24-летнего государя сразу же появился могущественный соперник — Али-шах Зилли-султана. Во время смерти Фетх-Али он находился в Тегеране, благодаря чему сразу же завладел шахской казной. Мохаммед-шах, являясь наместником Азербайджана, был в это время в Табризе. Макинцев и его «богатыри» поддержали молодого монарха. По некоторым данным, им даже удалось нанести поражение одному из приближенных узурпатора престола — Сейф-уль-Мульк-Мирзе, выступившего против Мохаммед-шаха со своим отрядом. Вскоре молодой шах, встречаемый переходящими не его сторону войсками, вступил в Тегеран. Али-шах Зилли-султан был повешен.

Положение Макинцева при новом монархе, пожалуй, даже несколько укрепилось. Единственным препятствием для спокойствия Самсон-хана был первый министр государства Хаджи-Мирза-Агаси, ненавидевший его. Однако вскоре между ними произошло примирение. После смотра, устроенного Багадеранскому полку Мохаммед-шахом в Тегеране, первый министр лично выразил свое расположение и уважение к Макинцеву. Уже вскоре командир багадеранцев был приглашен Хаджи-Мирзой-Агаси на завтрак, что являлось огромной честью.

Позже командование полком принял зять Самсон-Хана, Скрыплев. Именно он руководил Багадераном, когда эту часть бросали на различные акции, направленные на сохранение территориальной целостности Персии, оказавшейся в опасности. Макинцев занимался по большей части организационными вопросами.

В 1835 году, во время курдского восстания целая персидская армия, попавшая в засаду, была спасена, благодаря стойкости багадеранцев. Командир чудом оставшегося целым войска по итогам сражения констатировал: «Теперь я понимаю, почему русские непобедимы. Они не имеют того умения, которое у персов развито в высшей степени — они не умеют бегать и стоят, как стена во время атаки врага».

Несмотря на позитивный опыт и явную пользу данной воинской части для шахских вооруженных сил, вскоре состоялось очередное роковое событие в истории Багадерана. По стечению внешнеполитических обстоятельств полк был расформирован. На переговорах посетившего недавно присоединенную к России Еривань императора Николая Первого с миссией Насир ад Дина Мирзы, российский самодержец потребовал ликвидации полка из перебежчиков. Персидские представители вынуждены были согласиться на данное условие. 25 января 1838 года российское правительство объявило амнистию для багадеранцев. Множество солдат и офицеров откликнулось на жест правительства Николая Первого. Возвращение багадеранцев было возложено на русского консула в Персии капитана Альбранда. Консул понимал, что самого Макинцева склонить вернуться на Родину вряд ли удастся — слишком высоко было его положение и велик почет на землях шаха. Однако у Альбранда имелся на Самсон-хана компромат. Дело в том, что Макинцев на собственные средства возвел в одной из азербайджанских деревень христианскую церковь, которую венчал золотой купол. Этим командир Багадерана рисковал навлечь на себя гнев «начальства». Консул на-

мекнул Макинцеву на возможные последствия оглашения данной информации, в результате чего от того было получено согласие на беспрепятственный вывод багадеранцев в Россию. Однако от прямого содействия этому мероприятию Самсон-хану удалось уклониться. Мотивация его была понятна — шах, понимая, что уход «богатырей» скажется на обороноспособности Персии, вряд ли обрадовался бы рвению в содействие этому уходу командира Багадерана.

Между тем, миссия Альбранда принесла успех — 597 человек с семьями к 1839 году вернулись в Россию. В их числе был и командир расформированной части Скрыплев. По возвращении на Родину багадеранцы практически сразу сменили свою религиозную принадлежность, вновь став христианами.

Впрочем, большая часть полка осталась в Персии — ко времени расформирования часть насчитывала до полутора тысячи человек, потому можно предположить, что оставшихся было до двух третей Багадерана. Они продолжали служить шаху и стране, ставшей для них второй Родиной. Разница состояла в том, что отдельной части из русских «легионеров» в персидской армии уже не было.

Макинцев, оставшись в Персии, избрал своим местом жительства Тавриз. Там потерявшему немалую часть своего бывшего влияния офицеру правительство Персии поручило формирование нового полка. В состав этого соединения влились многие из оставшихся на землях шаха багадеранцев. Самсон-хан еще раз оказал неоценимую услугу шаху во время Хорасанского восстания. Мало того, что в состав карательного отряда вошло соединение Макинцева, он был назначен еще и военным советником главнокомандующего Хамзы-Мирзы, брата шаха. Более того, последнему было предписано во всем прислушиваться к мнению своего советника, не предпринимая без него самостоятельных действий. Предписание Хамза-Мирза выполнил.

Благодаря опыту Макинцева, к 1849 году бунт в Хорасане был подавлен. Столицу Персии известили об этом салютом из 101 пушечного выстрела. Самсон-хан, а также привезший шаху весть о победе приближенный Макинцева Симон-бек, удостоились личной благодарности монарха. В письме на имя Самсон-хана тот был назван никем иным, как «доброжелателем державы». Впрочем, в конце похода Макинцев чуть не лишился жизни. Не от руки врагов, а благодаря офицерам собственного полка. Дело в том, что он не стремился вести его впереди остальных соединений. Так как офицеры и солдаты надеялись пожить за счет сельского населения округа, они были изрядно разочарованы — шедшим в арьергарде частям мало что доставалось. Против Самсон-хана был составлен заговор, однако он был вовремя предупрежден. Переодевшись в женское платье, командир полка бежал в Тегеран. Там он был принят шахом. Зачинщики заговора вскоре получили суровое наказание.

Сфера ответственности Макинцева после Хорасанского восстания была расширена — под его командование передали два полка — Марагский и Хойский. С ними Самсон-хану было предписано вновь отправиться в Хорасан. Однако скоро жизнь Самсона Яковлевича Макинцева прервалась. На тот момент ему было 73 года. Интересно, что до конца жизни Самсон-хан так и не смог на достаточно серьезном уровне выучить язык своей новой Родины — фарси, на котором изъяснялся с трудом. Также фрагментарно знал Макинцев и турецкий, а на русском языке он, хотя и знал грамоту, так и не научился без ошибок писать. Как видно, для военной карьеры Самсон-хана на, фактически, генеральском уровне, эти обстоятельства не оказались препятствиями.

Идея привлечения русского военного опыта для реформирования и создания нового войска шаха не умерла. Позже она выразилась в формировании Персидской казачьей бригады в 1882 году.

Геннадий Литвинцев

«Когда следует зазвонить в колокол...»

Интерес к другим странам и народам определяется не одной лишь их величиной, географическим соседством, весом в международных делах, но больше того — содержательной стороной их существования, привлекательностью духовного облика, ощущением исторической значимости пути, сходством судеб, не всегда, быть может, угадываемым. Если говорить об Иране, то обращенный к нему взгляд наших соотечественников обусловлен всеми перечисленными выше причинами, да плюс к тому близостью, опять же не только географической, но и исторической, к Кавказу, главной ныне болевой точке России. К тому же, и это важнейшее обстоятельство, на отношение к закаспийскому соседу очевидным образом накладываются наши внутренние идейные размежевания: если одни всегда и во всем готовы признавать правоту Ирана, видя в нем едва ли не единственную силу, противостоящую лагерю мировой либеральной агрессии, другие же, из доморощенных либералов, безоговорочно наделяют «страну аятолл» всеми атрибутами зла. При этом те и другие нередко считают излишним сверить свою позицию с реальным образом страны, довольствуясь малосодержательными идеологическими клише.

Между тем духовно-политический опыт иранского общества за последние тридцать лет столь значителен и своеобразен, что, несомненно, заслуживает более серьезного отношения. К тому же в нынешнем положении нашей страны есть немало сходного с тем, что испытывал Иран накануне народной революции 1979 года: размытость национальных ориентиров, зависимость от международных финансовых центров, безумная роскошь правящей элиты на фоне массовой нищеты, определяющее влияние компрадорских сил, проникшая во все поры жизни коррупция, преступность, наркомания, упадок национальной культуры, моральное разложение верхов — и все это под флагом «общечеловеческих ценностей», под которыми понимаются ценности одной хоть и богатой, и сильной, но весьма отдаленной иноверной страны. И нельзя не поразиться тому, как все выше названное в Иране было преодолено — решительно и за самый короткий срок, без страха и оглядок на чужое мнение. Народ, осознавший свое национальное достоинство, духовно очнувшийся, свергнувший навязанных идолов и обратившийся к истокам отеческой веры, оказался способен сотворить себя заново, вернуться на историческую сцену обновленным и исцелившимся, исполненным новых творческих сил.

И нет ничего удивительного в том, что иранская революция, ее идеалы и вожди вызывали и вызывают в правящих верхах Запада откровенное недоброжелательство, а в последнее время и военные угрозы. Невозможно найти там понимание и сочувствие тому народу, кто вознамерится освободиться от влияния и гипноза заокеанских «ценностей», чтобы устроиться самому на основах своего традиционного миропонимания. Любой протест против ли экономического эгоизма Запада, против ли циничной философии «общества потребления», против ли растлевающей и оглупляющей масс-культуры воспринимается в «свободном мире» как бунт, требующий немедленного наказания. Не зря имам Хомейни называл западные страны, прежде всего США, высокомерными. Их идеологи и пропагандисты (как и референты в нашей стране) не допускают даже мысли о том, чтобы кто-то смел иначе, по-своему понимать смысл свободы и демократии, ставить на первое место в жизни не сытость сытых, а желание накормить голодных, не служить сильным, а защитить слабого. Они не представляют, что кто-то может искренне презирать славу и богатства в западном варианте, предпочитая им аскезу и жертвенность.

В конце двадцатого века, когда социализм в лице СССР, утратив энергетику движения и историческую перспективу, стал сходить с политической арены, в Иране осуществилась подлинно духовная революция, поставившая себе целью заново воссоединить государственность и религию, вернуть нацию к духовным истокам, соединить современную жизнь, не отказываясь ни в чем от ее интеллектуальных и технических достижений, с национальной культурой, с такими «архаичными» и вечными основаниями, как социальная справедливость, нравственность в политике и общее послушание добру, и на этой основе добиться сплоченности и преумножения народа. В этом уникальность духовного опыта Ирана после 1979 года.

* * *

Великий немецкий поэт и мыслитель Иоганн В. Гете в «Западно-восточном диване», книге, открывшей Европе культуру Персии, высказал замечательно-верную мысль: «Собственной, единственной и глубочайшей темой истории мира и всего человечества, которой все прочие подчинены, остается конфликт веры и неверия. Все те эпохи, когда царит вера, под каким бы видом она ни представала, — блестящи, они возвышают душу, они плодотворны для своего времени и для последующих эпох. Напротив того, все те эпохи, когда торжествует свои жалкие победы неверие, под каким бы видом то ни было, пусть даже на мгновения слепит оно ложным блеском своим, исчезают в глазах потомков, ибо никому не по нраву заниматься познанием бесплодного».

Напряженные отношения Ирана с либеральным Западом, их взаимное идейное неприятие — это прежде всего и главным образом конфликт веры и неверия. С одной стороны — духовное восприятие мира, традиционализм, мессианское видение истории и политики, привнесение религиозных норм в повседневную жизнь общества, с другой — эгоистический практицизм, философия успеха любой ценой, «постхристианская» доктрина аморализма, гедонизма и потребления. Можно не быть мусульманином, не разбираться в исламской догматике, но начиная изучать современный Иран, открывая произведения аятоллы Хомейни или философа Али Шариати, видишь, что попал в другой мир, коренным образом отличающийся от привычного. Пробелы нашего образования, пропитанного духом западничества,

не позволяют легко освоиться с системой ценностей ислама, ставшего не только верой, но и образом жизни для сотен миллионов людей.

Для вероучения шиитов, господствующего в Иране, характерно представление о «сокрытом имаме», взятом живым на небо, где он пребудет до Страшного суда, незадолго перед которым в образе Махди (своего рода мессии) явится на землю, чтобы установить царство правды и справедливости. Среди шиитов живет вера, что будущий Махди уже пребывает среди людей и лишь ждет своего часа, чтобы возглавить победную борьбу добра со злом. А до этого его миссию на земле воплощает шиитское духовенство. Называя Хомейни имамом, иранцы лишь отдавали должное его благочестию, праведной жизни, твердости в отстаивании святынь ислама. Сам же он никогда не отождествлял себя с Махди. Но говорил: «Религия — это единственное, что удерживает человека от предательства и преступлений».

Верующие мусульмане не должны мириться с угнетением и несправедливостью, убеждал имам Хомейни. Им надлежит не пассивно ожидать наступления «царства Махди», а неустанно бороться за него, целеустремленно готовить себя к приходу мессии. Духовенство обязано взять на себя ответственность за управление страной, поскольку является посредником между верующими и «сокрытым имамом», олицетворяющим божественную суть власти.

Верующие мусульмане не должны мириться с угнетением и несправедливостью, убеждал имам Хомейни

Да, вождя иранской исламской революции нельзя назвать, подобно Ганди, апостолом ненасилия. Если находить аналогии в русской общественной мысли, то Хомейни следовало бы сравнивать не с Львом Толстым, а, пожалуй, с Иваном Ильиным, считавшим правомерным и оправданным принуждение к добру тех, на кого не действуют убеждения. «Человек — чудесное творение, но оно способно развиться и в божественное, и в дьявольское существо!» — говорил Хомейни (помните у Достоевского: «Нет, широк человек, слишком даже широк!»). И далее: «Культура является либо источником народного счастья, либо его

бедой. Чужая культура оружие более смертельное, чем даже пушки и танки в руках врагов. Если культура продажна, то молодежь потеряна для нас».

Но именно юноши и девушки составили первые ряды борцов с шахским режимом в 1979 году. После десятилетий господства ущербной идеологии «общества потребления» и американской масс-культуры их увлекла суровая проповедь нравственного максимализма, духовной свободы и сочувствия угнетенным.

* * *

Духовенство и революция! Ислам и прогресс! Для догматических умов, что на Западе, что в тогдашнем СССР, эти понятия были не совместимы. Политологи и там, и здесь были явно обескуражены. Немного придя в себя, привычной лексикой заговорили о «реакционности», «религиозном мракобесии», «возврате к средневековью». Но все эти формулы-заклинания мало что объясняли. Главное, не давали ответ на главный вопрос — с кем и куда пойдет Иран, на чью сторону мировых баррикад встанет? Все, что проповедовал и начал осуществлять вернувшийся на родину после изгнания Хомейни, не могло нравиться ни привыкшему к иранской

покорности Западу, ни атеистическому «Востоку». Режим, выкинувший из страны вместе с шахом иностранные военные базы, американских разведчиков, советников и бизнесменов, обескровивших национальную экономику, естественно, навлек на себя обвинения «свободного мира» в радикализме, фанатизме, терроризме и т.д. Но и советских руководителей не могли не обеспокоить призывы нового иранского лидера к религиозному возрождению общества, к пробуждению исламского мира. Они еще способны были понять желание иранцев избавиться от шахской тирании, иностранной зависимости, восстановить национальный характер экономики, социальную справедливость. Но требование исламского правления было для них непонятно и враждебно.

В принятой после победы революции новой конституции страны воплощены принципы исламского правления. В ней утверждается контроль религиозных институтов над всеми сторонами политической и общественной жизни страны и забота о нравственном состоянии и развитии способностей каждого гражданина. «Призыв к добру, проповедь одобряемого и запрещение не одобряемого является всеобщей обязанностью людей друг к другу, государства к народу и народа к государству» (ст. 8). «Никто не имеет права под предлогом свободы нанести ущерб политической, культурной, экономической и военной независимости, а также территориальной целостности Ирана. Ни одно должностное лицо не имеет права под предлогом защиты независимости и территориальной целостности страны ущемлять законные свободы, даже путем издания законов и иных нормативных актов» (ст. 9). Выше всех других политических и общественных институтов находится рахбар — признанный духовный лидер нации, который в силу своих человеческих качеств, благочестия и учености, руководствуясь указаниями священных книг, способен оценивать действия президента, премьера, министров, законодательного собрания. Экономика объявлена не целью, а средством «искоренения нищеты и лишений и удовлетворения потребностей человека в процессе его развития, сохранения его достоинства». «Экономическая система основана на трех секторах — государственном, кооперативном и частном, при регулярном и правильном планировании» (ст. 44). Частная собственность уважается при условии, что она приобретена законными путями, к которым не относятся ростовщичество, взятки, растраты, воровство, азартные игры, организация мест разврата и т.д. «Собственность лидера страны, Президента, заместителей Президента, министров, а также их жен и детей проверяется главой судебной власти до и после окончания службы указанных лиц на предмет предотвращения ее незаконного приращения» (ст. 142). На включении в конституцию последней статьи настоял сам Хомейни. Он говорил: «В тот день, когда правители начнут думать о переселении во дворцы, нам следует зазвонить в колокол, зовущий на похороны правительства и государства». Рахбар был первым, кто представил в Верховный суд республики список своего имущества. Тотчас после его кончины судьи снова оценили собственность Хомейни, но не обнаружили в ветхом домишке на окраине Тегерана, который арендовал глава государства для своего проживания, ничего, кроме книг и старой утвари. Земля, унаследованная им от отца, еще при жизни была передана в пользу неимущих. Насколько же разнится образ имама от «морально свободных» западных лидеров с их Мониками, неизбывными финансовыми скандалами и мишурой внешней респектабельности!

Сердце Хомейни горело любовью ко всем угнетенным и обделенным людям земли, «какой бы национальной и религиозной принадлежности они ни были». Но его сила, как духовного лидера, заключалась в том, что он руководил народом, сохранившим веру, религиозные традиции и духовно окормляемым авторитетным

и убежденным духовенством, а не людьми атеистического воспитания, легковверными, морально не стойкими, инертными, легко поддающимися примитивным соблазнам. В своем обращении от 1 января 1989 года к М. Горбачеву имам Хомейни писал: «Основная проблема вашей страны лежит не в вопросах собственности, экономики и свободы. Ваши трудности заключаются в отсутствии истинной веры в Бога». Обращаясь к опыту безбожного Запада, предостерегал иранский лидер, «вы не только не излечите свое общество от недугов, но придете к тому, что другие будут вынуждены исправлять ваши ошибки».

За прошедшие после революции три десятилетия, Иран пережил настоящий демографический бум — его население увеличилось почти вдвое, с 36 до 65 миллионов человек! Древняя страна помолодела: две трети иранцев теперь моложе 25 лет. Американские санкции не смогли остановить всестороннее развитие страны, ежегодно приращивающей свой экономический потенциал. Государство не выпускает из своих рук крупную промышленность, банки, страхование, энергетику, связь, не отказывается от пятилетнего планирования, обеспечивает бесплатное среднее образование. Во внешней политике Иран твердо стоит за государственный суверенитет, многополярный мир, противостоит в своем регионе силам «нового мирового порядка», прибегающим в целях маскировки империалистической политики к провоцированию в странах псевдодемократических движений. Принципы Исламской революции, сформулированные рахбаром Хомейни, все его политическое наследие в сегодняшнем Иране играют по-прежнему главенствующую роль. Президент Ахмадинежад смог адаптировать их к актуальным запросам и потребностям общества, к текущим мировым реалиям.

В настоящее время социо-культурном поле Ирана заметно некоторое противостояние революционного ислама и реформаторских идей, направленных на ограничение влияния духовных властей на государственные дела. Это привносит известное оживление в политическую жизнь страны, необходимый дух соперничества и дискуссий. Но того, что называют «пятой колонной», в Иране не наблюдается — перед лицом внешних угроз народ остается единым.

Сергей Антоненко

Достоинство и преемственность

События в Тунисе и Египте, стремительное и для многих неожиданное вхождение Ближнего Востока в зону политической турбулентности породили немало рассуждений об «иранском сценарии», ожидающем светские режимы в странах ислама. В устах некоторых политологов иранский путь предстает как «погружение во тьму», тотальное клерикальное насилие над личностью, торжество мракобесия и бесчеловечности... Что же, каждому открыта возможность представлять свои версии и прогнозы. Я тоже хотел бы поделиться с читателями некоторыми недавними иранскими наблюдениями и размышлениями, которые, быть может, будут небезынтересны для тех, кто хочет лучше понять особенности происходящего в регионе.

Специфика издания задает нам основную тему: культура и ее место в мировоззрении и повседневной жизни народа. Какими ценностями руководствуются люди в решении каждодневных жизненных задач, в общении с ближними и дальними? Что определяет их поведение в экстремальных обстоятельствах, продвигает на жертвенные поступки? Отраженные в культуре высшие смыслы бытия дают нам возможность прикоснуться к предельно важному.

Опыт Ирана в конце XX века уникален. Это пример построения сакральной цивилизации на принципах народовластия — «эсхатологическая (т.е. ориентированная на перспективу Конца Времен) демократия». Иран — единственная страна мира, где государственную идеологию определяет ислам шиитского толка. Резкая конфронтация присутствует между шиитами и салафитами, доминирующими в Саудовской Аравии (у нас салафитов часто называют ваххабитами).

Фундаментальное положение шиитской доктрины — убежденность в том, что духовная и светская власть во всемирной общине мусульман должна принадлежать исключительно потомкам пророка Мухаммада, обладающим особой мистической харизмой власти. Преемников пророка, а позднее и просто духовных лидеров, стали называть «имамами» (араб. «предстоятель [на молитве]»). В 680 году внук Мухаммада имам Хусейн ибн Али, выступивший с небольшим отрядом против узурпаторов-Омейядов, принял мученическую смерть в Карбале (современный Ирак). Годовщина его гибели (Ашура) отмечается особыми траурными мистериями.

В дальнейшем потомки пророка оставались духовными вождями для своих последователей (араб. «ши'а»), но были отлучены от светской власти. Шииты верят,

что замыкающий линию прямого преемства от Мухаммада двенадцатый имам Аль-Махди (или Каим — «Воскреситель», «Восстающий»; Вали Аср — «Повелитель времени») ушел больше тысячи лет назад в «великое сокрытие». Он невидим для мира, но жив и руководит общиной через наиболее продвинутых, боговдохновенных ученых. В назначенный Аллахом час Махди явится, чтобы наполнить землю справедливостью, навсегда покончить с тиранией и угнетением, и вести правоверных к спасению.

На протяжении столетий шиизм воспитывал культуру иранского народа — в том числе, и культуру политическую. Такие древние черты национального характера

На протяжении столетий шиизм воспитывал культуру иранского народа

персов, как достоинство и независимость, получили новое духовное подкрепление: какой начальник, какой тиран вправе требовать от меня абсолютного подчинения, если мой имам — истинный повелитель правоверных.

В Иране не просто провозглашаются, но и практически осуществляются такие республиканские положения, как разделение властей, всеобщее избирательное право (в том числе и активное избирательное право для женщин), прямое и тайное голосование,

сменяемость представителей верховной власти (Президент не может занимать пост более двух сроков подряд). В то же время, согласно Конституции (ст. 57 и др.) факих — а это, как мы помним, богослов, мистически связанный с таинственной личностью Махди — осуществляет в Иране контроль над тремя ветвями власти, может сместить Президента. Он является Верховным Главнокомандующим, объявляет войну и заключает мир, имеет право помилования и множество других полномочий. Сам факих избирается народом не напрямую, а через Совет экспертов (теологов-правоведов).

С точки зрения традиции европейской политической мысли, в Иране сделана попытка синтеза теократии, демократии и аристократии. Религиозные ценности определяют весь уклад государственной жизни и общественной морали. Конституция ИРИ провозглашает: «Исламская Республика — это система правления, основанная на Вере в Единого Бога... В Исламской Республике Иран призыв к добру, проповедь одобряемого и запрещение неодобряемого является всеобщей обязанностью, которую люди несут по отношению друг к другу, государство — по отношению к народу и народ — по отношению к государству» (ст. 2.1 и 8). При этом даже завзятые недоброжелатели Исламской Республики не будут спорить с тем, что это — едва ли не единственная традиционная мусульманская страна, где осуществляется конкурентный политический процесс, основанный на открытом соревновании идейных взглядов и партийных программ. Аристократический принцип выражен в стойкой приверженности шиитов 12 имамам из благородного Дома Пророка, в отвержении власти безродных узурпаторов.

Тонкое чувство цвета

Самая первая иранская «картинка» в моей памяти — не новый Международный аэропорт имени имама Хомейни (вполне стандартная, технически оснащенная современная воздушная гавань). Первые острые впечатления — это выплывавшие из ночной темноты по дороге из аэропорта в Тегеран подсвеченные разноцветными огнями мосты. Эстакады, путепроводы, виадуки, которые в других

странах (включая Россию) в это время суток высятся угрожающими темными громадами, или залиты мертвенным электрическим блеском, в Иране открываются как почти сказочные сооружения, порождающие ощущение неведомого праздника.

Иранцам свойственно и тонкое чувство цвета. Традиция мусульман-шиитов уделяет особое внимание черному (это цвет свободы и непримиримости, знак верности Ахль аль-Бейт, «людям Дома» — праведным имамам из рода Пророка), красному (цвет мученической крови), зеленому... Но цветовая гамма Персии этим не исчерпывается. Путешественник промывает свой глаз прозрачной лазурью и яркой просинью изразцов; согревает сердце алыми, розовыми, коричневыми узорами ковров. Полифония цвета сопровождает везде — на улице, в чайхане, на рынке, в парке, в доме молитвы.

Иран — пожалуй, единственная из мусульманских стран, где сложилась собственная традиция фигуративного искусства. Как известно, ислам отрицательно относится к любым живописным или скульптурным произведениям, воспроизводящим одушевленные создания Аллаха. Основанием для этого служит не только боязнь идолопоклонства, но и сознание недопустимости «состояния в творении» с Всемогущим. Разные школы и направления мусульманской ортодоксии с различной степенью жесткости трактуют запрет на изображение живых существ. Духовные авторитеты-муджтахиды господствующего в Иране джафаритского толка заняли в данном вопросе умеренную позицию. Говорят, даже имам Хомейни благоволил к живописи и сам рисовал. Его любимой картиной было пронзительное полотно Махмуда Фаршчиана: израненный белый конь, потерявший своего всадника, имама Хусейна... Постеры-репродукции этой картины — в числе самых популярных изображений на улицах иранских городов в дни Ашуры.

Востребованные жанры Ирана

Иран — то место, которое позволяет прочувствовать правоту слов Анны Ахматовой: «Никогда ничто, кроме религии, не создавало искусства». И от сакральной живописи, каллиграфии, мистической вязи орнаментов перебрасывается мостик к современным образам. В Исламской Республике плакат — один из наиболее востребованных жанров. Вы не найдете здесь навязчивого восхваления действующего президента средствами монументальной пропаганды. Портреты рахбара — Великого Лидера исламской революции Али Хаменеи, как и основателя Исламской Республики Рухоллы Хомейни, встречаются часто. Рядом с портретом — изречения, наставления. Нам встретилось, например, такое высказывание аятоллы Хаменеи: «Мученики — проявление силы Ирана». В целом, современный иранский плакат ориентирован скорее на опереживание, соразмышление зрителя, чем на «лобовой» эффект. Мученичество раскрывается как вечная тема — от непорочных имамов до героев революции 1979 года, солдат-шахидов «Навязанной войны» (как называют Ирано-иракскую войну), жертв политического терроризма и павших борцов за свободу Ливана и Палестины.

Вообще, история для персов-шиитов — продолжающаяся совершаться драма. «Каждый день — Ашура, каждое место — Карбала», — гласит известное изре-

В Исламской Республике плакат — один из наиболее востребованных жанров

чение имама Садыка. Мы прикоснулись к этому единству мучеников, посетив выставку, развернутую в шатре во дворе мавзолея Шахе Чераг в Исфахане. Тема — герои «Навязанной войны» и аятолла-шахид Дастгейб (кстати — крупнейший знаток мусульманского учения о рае), разорванный бомбой террориста-смертника. После посещения этой экспозиции, после многих встреч и наблюдений, подумалось: песня «Хотят ли русские войны?» относится не только к русским, а и к иранцам.

Либеральные — но малообразованные — авторы нередко обвиняют ислам в том, что он по сути своей враждебен культуре в ее европейском понимании. В качестве примера приводят уничтожение грандиозных статуй Будды в Бамиане, совершенное талибами в 2001 году. Злодеяние, действительно, знаковое. Оно сопоставимо с эксцессами эпохи Средних веков, с жестоким отношением западноевропейских христиан к наследию античного язычества. Любая религия стремится стать над историей, но любую религию мы воспринимаем в культурном и цивилизационном контексте, обусловленном эпохой. Были ли в Персии времена, когда могло происходить нечто, подобное бамианской трагедии? — Да. Свидетельством этому — встречающиеся кое-где (впрочем, не так уж часто) «благочестивые» надписи, выбитые взамен стесанных сасанидских рельефов, скульптуры богов и героев с отбитыми носами, изувеченными лицами. Но Персия переварила эту культууроотрицающую тенденцию; духовная зрелость иранского народа помогла соединить «ревность о вере», пришедшей из Аравии, с памятью о собственном прошлом и гордостью за древность своей нации... А разрушение статуй Будды талибами Иран осудил. И совершенно искренними и естественными выглядели не увенчавшиеся, к сожалению, успехом, попытки тогдашнего Президента ИРИ Мохаммада Хатами (между прочим — ходжатоль эслама, духовного лица!) остановить варварство, мобилизовав для этого потенциал влияния исламского мира.

В сегодняшнем Иране мы нигде не заметили испуганного «отшатывания» от «идолов» — художественных свидетельств древности. Мифологические и исторические сюжеты — излюбленная тема современной живописи. В лавках продаются постеры с изображениями не только Кира Великого, но и, например, элегантной зороастрийской богини Анахиты-Ардвисуры. Гордое осознание непрерывности

Мифологические и исторические сюжеты — излюбленная тема современной живописи

собственной культурной традиции отличает персов и выделяет их среди других народов Ближнего и Среднего Востока. Для арабов Аравийского полуострова и Залива доисламское время — джахилийя, «эпоха невежества», в наследии которой нет чего-либо ценного; для египтян их великое прошлое — предмет темных легенд и куда более прозрачного коммерческого интереса; историческое сознание Сирии, Турции, Ливана в значительной мере расщеплено. Иранцы же воспринимают минувшее целостно и ощущают свою преемственность по отношению к предкам, жившим тысячелетия назад. Величественные археологические

комплексы поддерживаются в хорошем состоянии, изучаются исследователями. И — что немаловажно — с интересом посещаются самими жителями Ирана. У подножия уступчатой пирамиды-зиккурата Чога-Занбиля, среди руин Персепполя, хранящих память о роскоши и изысканности двора Ахеменидов, у скальных рельефов и гробниц шахиншахов гораздо больше бывает иранцев, чем зарубежных туристов. Здесь можно встретить и организованные экскурсии из школ и колледжей, и молодые пары, и семьи с детьми. Обращает на себя внимание, что

походы в музеи, посещение древних и живописных мест — популярный в Иране вид семейного отдыха, причем далеко не только для интеллектуалов.

Культура речи

Не только культура образа, но и культура слова почитается в Иране. Для персов нет жесткой границы между священным и просто вдохновенным. Стихи многих поэтов обретают значение сакральных высказываний, к ним относятся как к откровениям и пророчествам. Тем более что поэтов-мистиков в Персии «на единицу площади и квант истории» приходится гораздо больше, чем в других странах. Мавзолеи знаменитых Хафиза и Саади в Ширазе — настоящие места паломничества, окруженные почти религиозным благоговением.

К гробнице Шамс ад-дина Мухаммада Хафиза Ширази приходят для того, чтобы успокоиться и очиститься духом, найти ответ на мучающие жизненные вопросы. Здесь, несмотря на обилие людей даже в вечерние часы, царит сосредоточенная тишина. Некоторые из стоящих у надгробия прибегают к своеобразной библиомантии: открывают томик со стихами, стремясь распознать в среди загадочных иносказаний свой оракул. Поэт XIV века, которого за пределами Ирана знают в основном по утонченной любовной лирике, был мистиком-суфием, он заслужил прозвания Лисан аль-Гайб (Сокровенный язык) и Тарджуман аль-Асрар (Толкователь тайн). В одном из музеев Ширазы встретилась удивительная картина: на облаках райская дева играет на арфе, а рядом Хафиз как бы призывает в свидетели зрителей, указывая на вдохновенно пляшущего под небесную музыку Мессию Иисуса...

Не только культура образа, но и культура слова почитается в Иране

Мечеть и базар в Иране

Два важнейших плана, в которых протекает жизнь восточного города: мечеть и базар. Нигде не проявляются столь ярко и рельефно главные черты культуры повседневности народа, его самосознания и характера. Персидский крытый рынок — это целый мир, в котором с непривычки легко утонуть, потеряться, заплутать среди галерей и коридоров; выпасть из времени, рассматривая причудливые извивы орнамента на вазах, полные экспрессии сцены на крышках шкатулок или магические полотна ковров. Здесь гораздо меньше суетливого мельтешения, чем на знаменитых арабских «суках»-базарах Дамаска, Алеппо или Каира. Нет назойливого приставания с услугами, навязчивости, от которой очень скоро начинает «плыть» сознание европейского путешественника. Иранцам даже на базаре не изменяют вежливость, предупредительность и чувство дистанции. Кстати, между мечетью и базаром географической дистанции практически нет: многие крупные молитвенные комплексы (как, например, мечеть имама Хомейни, бывшая Шахская в Тегеране) находятся прямо в центре базарных кварталов; мечети поменьше буквально вписаны, встроены в торговые ряды — ведь молитва у мусульман неотделима от обыденной жизни с ее заботами и трудами.

Можно ожидать, что в такой клерикальной стране, как Иран, все храмы будут открыты исключительно как дома молитвы. Большинство исторических мечетей

выполняют как бы двойное назначение — в положенное время в них (чаще всего в какой-либо специально отведенной части комплекса) совершается молитва, в остальные часы это — музеи, открытые для всех желающих. Но даже и в почитаемых святых местах, где бьется интенсивный пульс религиозной жизни, где можно встретить паломников, плачущих навзрыд от переполняющих их чувств — нигде доброжелательно и скромно ведущий себя путешественник-иноверец не столкнется с негативным к нему отношением, не встретит косога взгляда. Напрашивается сравнение — увы, невеселое — с нашими православными церквями, где все еще часто можно наткнуться на «одергивание», а то и прямое хамство по отношению к новичкам со стороны «актива» из бабуль и теток. Шиитская религиозная культура предполагает сосредоточенность каждого, кто приходит в мечеть, на собственном духовном мире, на внутреннем контакте со святыней. Вне общей молитвы каждый волен вести себя в мечети так, как ему подсказывает сердце: приложиться к гробнице святого имама, читать Писание, слушать проповедника-сказителя во дворе или просто присесть отдохнуть и поразмышлять, растворяя свое «я» в мириадах маленьких зеркал, покрывающих стены и купол... Если вы о чем-то спросите, вам постараются помочь, но следить за вами, наблюдать, правильно ли вы себя держите, уж точно никто не станет.

Можно было бы добавить еще немало штрихов к благородному образу культуры Ирана — но рамки статьи требуют подвести итог. Наверное, главное, что может отметить странник, на короткое лишь время соприкоснувшийся с иранской цивилизацией — это ее принципиально антитоталитарный характер. Лучше всего это выразил русский мыслитель Алексей Хомяков, писавший об «иранстве» и «кушитстве» как двух великих началах всемирной истории (иранство есть свобода и духовность; кушитство есть необходимость и вещественность): «Величие Ирана не дело случая и условных обстоятельств. Оно есть необходимое и прямое проявление духовных сил, живших в нем искони, и награда за то, что изо всех семей человеческих он долее всех сохранял чувство человеческого достоинства и человеческого братства».

Редакция приглашает к сотрудничеству политиков, экспертов и читателей, которые разделяют цели и задачи журнала и полагают, что их материалы могли бы внести вклад в формирование у российской и зарубежной аудитории объективного, реалистичного представления о современном Иране, его внутренней и внешней политике.

Более подробно об условиях сотрудничества смотрите на сайте журнала www.siran.ru. Ждем Ваших авторских статей по адресу info@siran.ru

